

ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА,

строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

р. 1787 † 1855 г.

VIII *)

Я душевно былъ преданъ Августину и часто бывалъ у него. Разумѣется, разговоръ, по большей части, былъ религіозный. Онъ зналъ мои чувства, зналъ какъ я возставалъ всегда противъ раздѣленія христіанъ, какъ желалъ соединенія въ одинъ храмъ христіанъ.

Однимъ утромъ, при многочисленномъ духовенствѣ, Августинъ сталъ убѣждать меня присоединиться къ греко-россійской церкви.

— «Не стыдно ли вамъ, говорилъ онъ, вы духомъ и всѣмъ принадлежите Россіи, въ ней родились, въ ней воспитаны, теперь предпринимаете такое высоко-религіозное дѣло и остаетесь чужды нашей церкви и иностранцемъ между нами!»

Внутренно я желалъ этого; но считалъ неприличнымъ такую перемену. Сверхъ того знакомство мое съ Лабзинимъ, ревност-

*) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г. т. V стр. 16—32; 159—192. Приводимъ къ предыдущимъ страницамъ записокъ Витберга два-три примѣчанія сообщенныя П. Н. Петровымъ:

а) Къ стр. 165-й: «Андрей Никифоровичъ Воронихинъ (1760 — 1814) самоучка-строитель, профессоръ-преподаватель архитектуры въ Академіи Художествъ, — былъ по происхожденію дворовый человекъ, а затѣмъ другъ дома графа Александра Сергѣевича Строганова; онъ же сопутствовалъ сыну графа въ его путешествіяхъ по Европѣ; во время этихъ странствій Воронихинъ занимался архитектурой; произведенъ въ академики за перспективный (видъ дачи Строганова), что противъ Каменнаго острова, на Невкѣ; эта дача имъ же и построена. Представилъ проектъ Казанскаго собора въ 1799 г. и

нымъ сыномъ греческой церкви, меня сблизило съ нею. Обряды ся мнѣ нравились давно, по глубокимъ идеямъ и указаніямъ, въ нихъ заключеннымъ.

Но прежде нежели я изложу результатъ, къ которому меня привели эти разговоры, считаю нужнымъ распространиться нѣсколько о моемъ религіозномъ развитіи. Первое религіозное основаніе наслѣдовалъ я отъ моего родителя, который въ свою очередь оную заимствовалъ отъ дѣда моего, человѣка очень строгой жизни и высокихъ религіозныхъ понятій *). Онъ, служивши молодость свою въ военной службѣ, былъ вовлеченъ въ дуэль, поразилъ своего соперника и это тяготило его совѣсть до гроба. Далѣе можемъ узнать его внутреннюю духовную жизнь въ видѣніи, случившемся незадолго до его смерти. Просыпаясь однажды ночью, слыша музыкальную гармонію удивительной сладости, долго не могъ онъ убѣдиться въ томъ, не сонъ ли это, и когда совершенно увѣрился, что не спитъ, онъ замѣтилъ свѣтъ, распространяющійся въ горнищѣ, и въ то время, сѣвши на кровать, увидѣлъ на колѣняхъ разверстую книгу на шведскомъ языкѣ; онъ началъ ее читать съ первой страницы, прочелъ двѣ стра-

за него получилъ прямо званіе профессора. Воронихинъ былъ и строителемъ нынѣ существующаго Казанскаго собора въ 1800—1811 гг.

б) Къ стр. 166-й: Витбергъ очень много обязанъ извѣстному мистикъ и издателю «Сіонскаго Вѣстника» Александру Федоровичу Лабзину. Въ знакъ признательности ему — за родственныи пріемъ и ласки — Витбергъ написалъ портреты Лабзина и его жены; знаменитый мистикъ дѣйствовалъ въ пользу молодого художника и провелъ его въ академики живописи.

в) Къ стр. 169: Опасенія профессора Михайлова, высказанныя въ разговорѣ съ вице-президентомъ Академіи Художествъ Чекалевскимъ, относились до того, что разспросы членами Академіи Витберга по поводу его огромнаго проекта, собственно на торжественномъ собраніи Академіи, могли бы ихъ, членовъ, затруднить, такъ какъ на этихъ собраніяхъ все дѣло ограничивается чтеніемъ годового отчета и провозглашеніемъ именъ новыхъ членовъ. Выборы и разсужденія о нихъ происходятъ ранѣе.

д) Къ стр. 182: Симоновъ монастырь — зданіе въ московскомъ вкусѣ, а византійскаго, вопреки словамъ Витберга, въ немъ нѣтъ ничего; и храмъ имъ создаемый — былъ, также вопреки его мнѣнію, не въ греческомъ стилѣ, а какъ называли тогда въ строго-классическомъ, нынѣ же именуется въ академическомъ.

II. II.

*) Карлъ XII любилъ его особенно за строгую честность и правдивость. Онъ былъ наконецъ Land-Fiscal, мѣсто весьма важное, въ которомъ, имѣя всѣ средства для обогащенія, онъ умеръ недостаточнымъ человѣкомъ.

А. Г.

ницы, кончающіяся слѣдующими словами (которыя батюшка мой переводилъ мнѣ на нѣмецкій языкъ слѣдующимъ образомъ):

Bleib nun fest und glaub an Gott
 Halt dich an sein heiligen Geboth,
 Ich will dich in Freuden führen.
 Um dein Gebeth in Gnaden hñhren.

На шведскомъ языкѣ они составляли весьма правильные стихи.

По прочтеніи сихъ словъ, онъ хотѣлъ перевернуть листъ, но все исчезло. Желая знать, не существуютъ ли сіи стихи въ какой-нибудь книгѣ, онъ долго искалъ, спрашивалъ у духовныхъ; но нигдѣ не нашлись. Отсюда можно заключить, въ какомъ духѣ воспитывалъ онъ сына.

Шведы имѣютъ особый характеръ религіозности: это спокойное, почившее въ себѣ убѣжденіе, а не судорожное чувство итальянцевъ и испанцевъ; они все тѣ же норманны, твердые, гордые, спокойные въ своемъ достоинствѣ, убѣжденные въ своихъ правахъ. Это спокойствіе самое влечетъ ихъ къ таинственному. Этотъ характеръ шведовъ мнѣ былъ очень знакомъ, потому что я съ дѣтства бывалъ у шведскаго посланника Штедингга и еще болѣе убѣдился я въ достоинствѣ онаго, когда въ 1826 г. я *) въ Москвѣ часто бывалъ у него; — прежде я не могъ хорошо судить, но тутъ, испытавши всю горечь злобы людей, — меня поразили благородный, открытый нравъ шведской молодежи, окружавшей посланника, ихъ взглядъ безъ лубавства.

Рожденный въ церкви протестантской, я видѣлъ, что она, не довольствуясь одними наружными обрядами, стремится къ развитію духа религіи. Но находясь съ малолѣтства въ двухъ российскихъ казенныхъ заведеніяхъ, я не могъ не находить то (того?), что заключается въ прекрасныхъ обрядахъ российской церкви. Вообще отъ самой природы было у меня врожденное чувство къ истинѣ и къ религіи. Предметы религіозные весьма занимали меня. Въ особенности же близкое знакомство съ ученымъ конференцъ-секретаремъ Лабзинымъ, извѣстнымъ издателемъ «Сіонскаго Вѣстника», служило пищею внутреннему влеченію. Часто сужденія его объ обрядахъ греко-россійской церкви имѣли на меня большое вліяніе и я рѣшительно увидѣлъ, что ежели для

*) Зачеркнуто: «снова».

церкви обряды нужны, то они всего лучше въ греческой церкви, ибо они заключаютъ столь много глубокихъ указаній.

При такомъ направленіи, духа не удивительно, что слова Августина и духовенства имѣли на меня чрезвычайное вліяніе; какъ уроженецъ російскій и пользуясь благодѣяніями сей страны и дѣлаясь участникомъ столь важнаго памятника греческой церкви, я считалъ неприличнымъ, чтобы не принадлежать къ ней. Съ тѣмъ вмѣстѣ мнѣ все казалось, что этотъ шагъ не должно дѣлать и духовенство не могло опровергнуть моихъ доводовъ. Я не могъ согласиться съ ними, что греко-россійская церковь лучше другихъ, ибо считалъ всѣ христіанскія — равными.

Они говорили: «если все равно, то и надлежитъ перемѣнить».

Я отвѣчалъ, что потому-то и не слѣдуетъ того дѣлать, что все равно.

— Ну полно-те, полно-те упираться; и безъ того, знаю, что вы весь нашъ, дѣло за наружнымъ—сказалъ Августинъ; я предвижу, что будетъ такъ, и впередъ даю мое пастырское благословеніе.

Между тѣмъ предметъ сей меня очень занималъ въ то время, какъ я готовилъ закладку храма, и я рѣшился объ этомъ сказать князю Александру Николаевичу (Голицыну), чтобъ онъ сказалъ о томъ его величеству: не находить ли онъ сего нужнымъ по предпринятому занятію?

Князь *) докладывалъ государю императору и онъ велѣлъ мнѣ сказать, что «не находить надобности въ наружной перемѣнѣ, зная такъ хорошо христіанство. Я съ своей стороны также надобности въ этомъ не нахожу. Впрочемъ, оставляю это на его собственную волю».

При семъ рассказалъ мнѣ князь довольно странное событіе. Послѣ того, какъ онъ сталъ заниматься религіозными предметами, у него было обыкновеніе ежедневно утромъ читать священное писаніе, продолжая по порядку. Передъ закладкою (храма) нѣсколько дней занятый очень дѣлами, онъ не читалъ. Въ самый же день закладки, урвавъ минуточку, онъ сталъ читать съ того мѣста, гдѣ остановился, и это было именно на томъ, какъ Юрамъ (?) началъ выбирать работниковъ для построенія храма Соломонова.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «На другой день».

— Много страннаго при этомъ храмѣ, сказалъ князь; хорошо бы было, ежели бы вы вели журналъ всѣмъ происшествіямъ сооруженія храма; онъ будетъ занимателенъ.

Это было и мое желаніе, но отвлеченный сначала дѣлами, потомъ интригами меня окружавшими, я оставался при одномъ намѣреніи.

Вечеромъ того же дня, когда была закладка, я всемилостивѣйше былъ пожалованъ чиномъ коллежскаго ассесора, и когда явился къ князю Александру Николаевичу съ благодарностью, то князь объявилъ порученіе государя императора, что хотя бы и не имѣлъ надобности въ присоединеніи къ греческой церкви, но теперь видитъ въ томъ нужду для народа, если это согласно съ собственнымъ моимъ желаніемъ.

Я согласился, но съ тѣмъ вмѣстѣ меня занимало то, что я могу огорчить симъ моего родителя, ревностнаго протестанта. Зная его желаніе, что онъ желалъ давно быть соединенъ со мною и желая, чтобъ онъ пріобрѣлъ большую осѣдность въ Москвѣ, я просилъ государя о переименованіи его въ русскіе дворяне изъ шведскихъ (ибо шведское дворянство не давало здѣсь ему правъ), — ставя на видъ, что онъ несъ службу при Екатеринѣ.

Императоръ изъявилъ согласіе и его перевели съ 1-мъ офицерскимъ чиномъ, и тѣмъ я хотѣлъ утѣшить старика. Такъ какъ въ греко-россійской церкви имени Карла не существуетъ, то я принялъ имя Александра, ибо и самъ императоръ изъявилъ желаніе быть (моимъ) воспреемникомъ.

Въ сочельникъ, 24 декабря (1817 г.), въ домово́й церкви архіепископа Августина совершилось присоединеніе мое къ россійской церкви, при священнодѣйствіи Августина. Отъ имени государя былъ князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ). По желанію моему, кромѣ моей жены, постороннихъ свидѣтелей не было. Августинъ былъ въ восторгѣ.....

Отъ редакціи. Прерываемъ разсказъ Витберга, чтобы вставить подлинное его письмо по поводу описываемыхъ выше событій*). Это письмо (помѣщаемъ его въ переводѣ съ нѣмецкаго) — къ отцу Витберга, Лаврентію Самойловичу, изъ Москвы, отъ 24 ноября 1818 г., т. е.

*) Документъ этотъ сохранился въ бумагахъ Федора Александровича Витберга, въ переводѣ котораго онъ и помѣщается. Ред.

писано почти годъ спустя послѣ перехода нашего академика въ православіе:

„Достопочтеннѣйшіе и любезнѣйшіе родители! Сердечно сожалѣю, что такъ долго не былъ въ состояніи писать къ вамъ, дорогіе родители. Причиной этого былъ, во-первыхъ, пріѣздъ родственниковъ, которые два дня тому назадъ уѣхали домой и съ ними отправилась на нѣкоторое время и моя жена: у нихъ готовится свадьба, — другая сестра ея выходитъ замужъ. Дѣла мои не дозволили мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нею. По своей обязанности, я долженъ дожидаться возвращенія государя, потому что до сихъ поръ онъ не имѣлъ времени заняться мною и моими бумагами; но какъ скоро я дождусь этого, то также поѣду туда на недѣлю и возвращусь вмѣстѣ съ женой. Сверхъ того, у меня недостаетъ времени справляться со всѣми моими дѣлами. Не проходитъ почти ни одного дня, чтобы съ ранняго утра и до поздняго вечера не надѣдали мнѣ всякіе любопытные, пріѣзжіе и ищущіе должностей лица; съ другой стороны, мнѣ надо заняться и съ тѣми, которые уже опредѣлены на службу, такъ что къ вечеру я бываю иногда совершенно утомленъ. Надъ моими чертежами трудятся въ настоящее время при мнѣ два помощника; но и имъ приходится иногда дожидаться меня, потому что меня часто отзываютъ отъ дѣла. Между тѣми я и для васъ, любезный батюшка, успѣлъ приготовить нѣчто особенное и этимъ по совѣсти исполнилъ какъ ваше желаніе, такъ и свой сыновній долгъ, насколько мнѣ это было до сихъ поръ возможно. Я поздравляю васъ съ отъѣзною милостію нашего государя; изъ прилагаемой при семъ копіи вы увидите, что государь всемилостивѣйше повелѣлъ возвести васъ въ званіе потомственнаго дворянина Россійской Имперіи и выдать вамъ надлежащій дипломъ на сіе достоинство, со включеніемъ въ родословную книгу. Далѣе, за вашу 45-ти-лѣтнюю вѣрность русскому престолу и за вашу 8-ми-лѣтнюю коронную службу, государь намѣренъ наградить васъ чиномъ, и если судьба будетъ къ вамъ такъ благосклонна, то, быть можетъ, чиномъ титулярнаго совѣтника, — этого, однако, я еще не знаю навѣрное; но будемъ терпѣливы: безъ сомнѣнія, вопросъ этотъ вскорѣ рѣшится. Теперь, конечно, и обѣщанное мною вамъ мѣсто будетъ надежнѣе и приличнѣе. Дорогие родители! Такъ какъ для васъ должна быть пріятна царская милость, доставляющая вамъ на старости и почетъ и спокойствіе, послѣ вашей трудовой до сихъ поръ жизни, то нѣтъ сомнѣнія, что вы должны быть глубоко благодарны ему за это.

„И теперь, когда государь до того благосклоненъ къ вашему сыну, что ему прискорбно видѣть въ немъ чужестранца, въ немъ, которому

онъ довѣряетъ дѣло, долженствующее доставить всесвѣтную славу его народу и привлечь къ колоссу Воробьевыхъ-горъ любопытство иностранныхъ путешественниковъ, то воспротивитесь-ли вы исполненію дорогого желанія нашего милостиваго монарха? И что можно бы было отвѣтить на моемъ мѣстѣ на слѣдующія его слова:

— „Витбергъ! Я знаю, что вы имѣете хорошее понятіе о христіанской вѣрѣ, и что, поэтому, для васъ должно быть все равно, къ какому вѣроисповѣданію вы принадлежите; что до меня касается, то и по мнѣ это все равно, потому что всѣ церкви, коль скоро онѣ содержатъ въ себѣ христіанскую религію, хороши; но ради моего народа, мнѣ было бы желательно, чтобы вы принадлежали къ нашей церкви; потому что таинственное значеніе вашего проекта храма не всякому понятно и простому человѣку онъ можетъ показаться ересью; если же, напротивъ, вы сами перемѣните вѣру, ради построенія этого собора, то это произведетъ на него (простого человѣка) особенное впечатлѣніе. Но я васъ къ этому не принуждаю; если только это противорѣчитъ вашей совѣсти, то я и этого, со своей стороны, не желаю. Вы знакомы съ нашими обычаями такъ хорошо, что не всѣ ихъ такъ понимаютъ. Подумайте объ этомъ, усердно помолитесь Богу, чтобы не ошибиться, и потомъ сообщите мнѣ ваше рѣшеніе“.

„Что Провидѣніе ведетъ меня особеннымъ путемъ — можетъ видѣть всякій, кто не слѣпъ и имѣетъ хоть какое понятіе объ этихъ дѣлахъ. Для объясненія я долженъ разсказать здѣсь необыкновенный случай: все, что происходитъ со мною въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, все это было мнѣ вратцѣ открыто во снѣ 12 лѣтъ назадъ, значить въ 1806 году, во время моей тяжелой болѣзни. Мнѣ снилось, во-первыхъ: что я нахожусь въ огромномъ строящемся храмѣ; во-вторыхъ: что я былъ женатъ и жилъ на прекрасной, украшенной фонтанами горѣ и былъ какъ бы хозяиномъ этого мѣста; въ-третьихъ: у меня было много дѣла съ какимъ-то русскимъ монахомъ, но что это собственно было за дѣло, этого я не могъ понять. Помнится, я какъ-то разсказывалъ вамъ объ этомъ. Такъ какъ два первыхъ приключенія уже сбылись, именно: я занимаюсь теперь постройкой большого храма, уже женатъ и даже, какъ кажется, буду жить на горѣ, гдѣ есть и ключи, изъ которыхъ можно сдѣлать фонтаны, которые къ тому же назначены и на моемъ планѣ, хотя я и не зналъ, что эта мѣстность богата ключами,—то я долженъ имѣть весьма слабую вѣру въ Провидѣніе и весьма ограниченный разсудокъ, чтобы не постичь моего дальнѣйшаго назначенія,—что я долженъ также окончить и дѣло свое съ монахомъ. При этомъ, я могъ

бы указать вамъ на особенный псаломъ, относящійся къ этому случаю, который попался мнѣ, когда я, еще будучи холостымъ, вошелъ въ первый разъ въ мою нынѣшнюю квартиру, — но это лучше всего высказать со временемъ, при личномъ свиданіи. Вслѣдствіе этого я высказалъ все сіе князю (А. Н. Голицыну): что я долженъ неуклонно слѣдовать этимъ указаніямъ и что онъ можетъ сообщить государю, что я не нахожу ничего противнаго моей совѣсти исполнить его желаніе и именно желалъ бы совершить это въ сочельникъ, передъ Рождествомъ, потому что положенный уже, краеугольный камень храма въ этотъ день былъ освященъ. Государь былъ очень этимъ доволенъ, самъ пожелалъ быть моимъ воспріемникомъ и далъ мнѣ свое имя — Александръ. Обрядъ совершенъ былъ самимъ архіепископомъ, въ его домовою церкви, и князь Голицынъ занималъ мѣсто государя. По моему желанію, никто изъ постороннихъ при этомъ не присутствовалъ, кромѣ двухъ моихъ друзей, — бывшего тутъ проездомъ изъ Петербурга священника при кадетскомъ корпусѣ и доктора Мудрова, — да еще моей жены съ сыномъ, который вмѣстѣ со мною причастился св. таинъ. Послѣ сего у архіепископа былъ накрытъ для насъ завтракъ. Здѣсь я оканчиваю мое длинное письмо, въ надеждѣ, что одно стоитъ другого, т.-е. если вамъ, любезный батюшка; пріятно, какъ я надѣюсь, сдѣлаться на старости лѣтъ дворяниномъ Россійской имперіи, со всѣми его правами, то вы не можете осуждать своего сына, что онъ лучше желаетъ называться сыномъ своего отечества въ странѣ, гдѣ онъ родился и наслаждается всякими благами, чѣмъ носить имя чужестранца....

„Въ прошедшемъ письмѣ вашемъ, любезный батюшка, вы были очень довольны тѣмъ, что самъ государь будетъ членомъ нашей строительной комисіи, потому что для меня это, конечно, большая выгода; а теперь это еще лучше, потому что я вступилъ съ нимъ въ духовное родство...

„Еще разъ поздравляю васъ, любезный батюшка, дворяниномъ Россійской имперіи“....

Поздравляя отца съ возведеніемъ въ дворянское достоинство, академикъ Витбергъ могъ поздравить и себя: одновременно съ переходомъ въ православіе, онъ сдѣланъ потомственнымъ дворяниномъ, о чемъ тогда же разосланы печатные указы *).....

*) Объ этомъ упоминаетъ сенаторъ Павелъ Степановичъ Руничъ въ имѣющемся у насъ письмѣ къ сыну Дмитрію (впослѣдствіи почетительскій петерб. учебн. округа) отъ 24 января 1818 года.

IX.

На другой день (послѣ принятія мною православія) князь объявилъ мнѣ поздравленіе отъ государя императора и съ тѣмъ вмѣстѣ волю государя, чтобъ я въ наискорѣйшемъ времени занялся составленіемъ проекта коммисіи сооруженія храма, чтобъ можно было приступить къ дѣлу, дабы народъ не думалъ, что государь ограничился одной закладкой, такъ чтобъ къ отъѣзду сего величества было это готово.

Я простудился на закладкѣ и былъ тяжело боленъ, посему и не могъ скорѣе заняться связаннымъ дѣломъ. Князь доложилъ объ этомъ государю и государь вознамѣрился прислать Л. М. Вилье для поданія скорѣйшей помощи, ежели нѣтъ искуснаго у меня доктора. Благодаря князя за вниманіе государя я сказалъ, что совершенно увѣренъ въ Мудровѣ, который былъ въ тѣсныхъ дружескихъ со мною отношеніяхъ.

«Въ такомъ случаѣ Вилье не посылать; они враги, поссорятся при больномъ и надѣлаютъ ему болѣе вреда нежели пользы».

Но, впрочемъ, не Мудровъ меня вылечилъ, а итальянецъ, искавшій мѣста каменнаго мастера, привелъ мнѣ извѣстнаго Сальватора, который увидѣлъ во мнѣ солитера и сдѣлалъ большую помощь.

Такимъ образомъ, хотя гораздо позднѣе, какъ я предполагалъ, но въ скоромъ однако времени, я изложилъ мои общія мысли о учрежденіи коммисіи. Замѣтивъ въ Августинѣ ревностное желаніе участвовать въ семъ дѣлѣ и понимая пользу важнаго духовнаго лица, я помѣстилъ его и генераль-губернатора, какъ высшую власть свѣтскую, первенствующими членами и имѣя въ виду сокращеніе переписки съ сими лицами. И два члена непремѣнные: я и совѣтникъ. Подробность учрежденія находится въ текстѣ, который прилагается *).

Впрочемъ, учрежденіе сіе не было сообразно съ обыкновеннымъ ходомъ дѣла, я писалъ его: полагаясь на себя, одушевленнаго пользою и чистымъ усердіемъ; ежели бы были другія обстоятельства, оно не могло бы годиться для наемщика, служащаго изъ

*) «Учрежденіе коммисіи», и другія бумаги, упоминаемыя въ рукописи, къ ней не приложены. Впрочемъ, «учрежденіе коммисіи» находится въ Полномъ Собраніи Законовъ, т. XXXVII № 28,433.

денегъ. Вездѣ, гдѣ могъ, отрывался я отъ формъ, утомляющихъ силы и сковывающихъ всѣ дѣйствія, и только въ необходимыхъ случаяхъ жертвовалъ рутинѣ обыкновенныхъ нашихъ учреждений.

Князь объявилъ, что императору нравится моя мысль, но находитъ нужнымъ прибавить еще одного первенствующаго члена, московскаго инженеръ-генераль-маіора Карбонье.

Князь зная о случившейся между мною и генераломъ неприятности, съ особымъ видомъ сообщилъ мнѣ это.

— Имѣть въ комисіи генерала Карбонье было и собственное мое желаніе съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ его въ Твери, но вашему сіятельству извѣстны тѣ неприятности, которыя генераль мнѣ дѣлалъ, и потому это дѣло уже невозможное; я долженъ избѣгать его, какъ лицо неблагонамѣренное; гдѣ вражда, дѣло идти хорошо не можетъ; онъ уже попробовалъ взять верхъ надо мною и насильственно вступитъ въ кругъ моихъ занятій.

— Знаю я это, сказалъ князь, но что же дѣлать, государю такъ угодно.

— Но я рѣшительно вмѣстѣ съ Карбонье служить не могу, и въ такомъ случаѣ останется государю избрать, кому быть въ комисіи: Карбонье безъ меня или мнѣ безъ Карбонье, въ кому императоръ будетъ имѣть болѣе довѣренности.

— Хотите вы, чтобъ я это государю такъ и передалъ?

— Да, князь, прошу васъ это; тутъ середины нѣтъ, я или Карбонье!

Слова мои въ точности были переданы императору. Онъ остановился въ дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла и вскорѣ послѣ этого отправился въ С.-Петербургъ, и мнѣ предоставлено было дальнѣйшее обработываніе дѣла и, въ случаѣ надобности, велѣно явиться въ Петербургъ.

Я занялся, вмѣстѣ съ улучшеніемъ проекта, и обработываніемъ плана экономическаго и я нашелъ себя въ необходимости взойти въ новую стихію и знакомиться дотолѣ съ чуждою хозяйственною частью. Совѣтывался съ опытными людьми, придумывалъ, трудился и наконецъ написалъ *) (проектъ положенія), утвержденный впоследствии императоромъ.

Здѣсь имѣютъ мѣсто нѣкоторыя подробности и происшествія

*) Въ мѣсто зачеркнутаго: «предложилъ».

того времени. Когда сдѣлалось гласно, что императоръ представилъ мнѣ выборъ людей, множество архитекторовъ увивались около меня, отыскивая мѣсть. Но все это были люди обыкновенные, съ одною цѣлью обогащенія служившіе, развѣ исключить одного Желарда ¹⁾, образованнаго молодого человѣка и съ талантомъ и Бовѣ, ²⁾ который, можетъ, имѣлъ отъ природы дарованіе, но все это было подавлено страстью пріобрѣтенія и рѣшительно одними правтическими занятіями.

Чтобъ показать направленіе ихъ, вотъ небольшой анекдотъ. Стараніями преосвященнаго Августина отлили огромный колоколъ для Ивановской колокольни. Когда онъ былъ готовъ и надлежало его привезть въ Кремль, тогда только догадались, что діаметръ окружности его внизу нѣсколько шире Боровицкихъ воротъ; затруднились и тотчасъ стали требовать совѣта инженеръ-генераль-маіора Карбонье. Карбонье нашелся, предложилъ сдѣлать подмостъ съ обѣихъ сторонъ Кремлевской стѣны и машинами поднять его и опустить. Издержки должны были быть значительны; но дѣлать было нечего. Однако подрядчикъ, который везъ, мужикъ, рѣшился предложить иное мнѣніе; такъ какъ колоколъ былъ немного пошире воротъ и то въ одной линіи, то онъ совѣтовалъ вынуть по нѣскольку кирпичей въ воротахъ, что сдѣлали и, что разумѣется, почти ничего не стоило.

Въ то же время происходило открытіе памятника Минину и Пожарскому. Прожектировалъ его ректоръ академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мартосъ ³⁾. Касаясь монумента, нельзя не высказать моего мнѣнія относительно сего произведенія Мартоса. Многихъ памятникъ сей не поражаетъ, и естественно: авторъ отошелъ отъ первой своей идеи—непростительная ошибка артиста! Я видалъ неоднократно первый эскизъ у Мартоса: онъ состоялъ изъ двухъ стоячихъ фигуръ. Гражданинъ Мининъ, держа лѣвой рукою князя Пожарскаго за его правую, въ которой подыять вверхъ мечъ, правой же—показываетъ съ жаромъ впередъ. Князь, имѣя на лѣвой рукѣ щитъ, на головѣ—шлемъ, обращаетъ взоръ къ небу, какъ бы испрашивая благословенія онаго. Тутъ явнымъ образомъ выражалось все, что потребно исторіи. Всякій видитъ какого-то гражданина, ведущаго война на битву, чего теперъ видѣть нельзя. Что показываетъ теперъ

стоящій гражданинъ сидящему воину? и что сдѣлаеть воинъ: пойдеть ли или нѣтъ? не знаютъ. Живописецъ и ваятель по смыслу (?) можетъ схватить только одинъ моментъ. Посему художникъ долженъ избирать послѣдній моментъ или самый рѣзкій, а не сомнительной. Въ первой идеѣ Мартоса и выражено; но почему-жь онъ не удержалъ свою первую идею? Вельможи, посѣщавшіе мастерскую Мартоса и имѣя обыкновеніе совѣтывать, хвалили его проектъ, но находили неприличнымъ, что гражданинъ Мининъ ведеть князя Пожарскаго, какъ будто этимъ самымъ болѣе чести отдается Минину, забывая, что въ исторіи такъ было. Мартосъ принадлежалъ еще къ тѣмъ выписаннымъ артистамъ, которые отличились своими кліентами; любившій угождать, былъ такъ слабъ, что для угожденія этимъ вельможамъ забывалъ достоинства артиста. Переимѣнилъ свою хорошую идею и рѣшилъ, для большей важности, посадить его. Вотъ какъ гибельно, когда артистъ, забывая свое дарованіе, даетъ мѣсто пошлымъ разсчетами!

Къ сему присоединяется еще одно обстоятельство, позже обнаружившееся, но имѣющее непосредственную связь съ памятникомъ. Сначала было уже (сказано), что Мельниковъ, при объявленіи программы, занимался проектомъ, показывалъ его мнѣ и я нашелъ его недостаточнымъ, далѣе какъ я ему ввѣрилъ свои идеи, довѣряя благородству артиста. Но вышло иначе. Мартосъ былъ сначала весьма хорошо расположенъ ко мнѣ; особенно когда я хлопоталъ въ Академіи, онъ мнѣ самъ совѣтывалъ пренебречь Академіею и стараться лично объяснить государю проектъ; но вступивъ въ близкое родство съ Мельниковымъ⁴⁾, за котораго весьма ходатайствовалъ помѣстивъ его профессоромъ въ академіи, совѣтывалъ *) Торماسову опредѣлить при обстроиваніи Москвы одного изъ профессоровъ Академіи, думая помѣстить его. Мельниковъ сдѣлалъ новый проектъ и Мартосъ, зная что мой одобренъ государемъ и имѣя протекцію при графѣ Аракчеевѣ, онъ домогался, чтобъ приняли проектъ его⁵⁾. Въ проектѣ своемъ онъ употребилъ всѣ ему извѣстныя идеи моего проекта. Можетъ, Мартосъ ему и присовѣтывалъ составить проектъ по этимъ идеямъ.

*) Въмѣсто зачеркнутого «просилъ».

При какомъ-то докладѣ (вѣроятно графа Аракчеева) въ 1817 году между прочими бумагами находился вложеннымъ сей проектъ. Государь императоръ, увидя его и узнавъ, сказалъ: «на что же его, проектъ утверждень». Тѣмъ и кончилось.

Но мы уже сказали, какъ Мельникову я передалъ свои идеи безъ всякаго порядка; увидимъ теперь, какъ онъ ими воспользовался.

Однажды К. Я. Булгаковъ прислалъ мнѣ номеръ какого-то журнала *), въ которомъ была статья въ видѣ частнаго письма соч. Григоровича, тоже родственника Мартоса⁶⁾, издававшаго журналъ⁷⁾. Какой-то путешественникъ, описывая достопримѣчательности Петербурга въ художественномъ отношеніи, и касаясь Академіи Художествъ, доходитъ наконецъ до проекта Мельникова, необыкновенный и славный, какъ онъ его называетъ, расхваливаетъ до чрезвычайности, «но, чтобъ имѣть тебѣ понятіе о семъ необыкновенномъ произведеніи, сообщу мысли самого артиста». И тутъ начинаетъ онъ излагать мои разбросанныя идеи, которыя только могъ запомнить Мельниковъ, и какъ Мельниковъ былъ весьма недалекъ въ этихъ отношеніяхъ, у него вышла какая-то галиматья. Такъ, на примѣръ, онъ удержалъ рѣку и косогоръ; такъ помнилъ онъ, что храмъ мой тройственный и помнилъ катакомбу при нижнемъ храмѣ, въ которой находилась память убиенныхъ воиновъ,— и онъ сдѣлалъ нижній храмъ въ память убиенныхъ воиновъ. Идея второго храма совершенно скрылась отъ него и потому онъ его назвалъ храмомъ гражданъ, а для третьяго онъ ничего не придумалъ и потому остался онъ у него безъимяннымъ. Помня, что входъ въ храмъ идетъ чрезъ терассы, изображающія добродѣтели, и у него представлены терассы съ добродѣтелями. Но какія, тамъ онѣ произвольны, объ этомъ онъ не говоритъ. Помня, что находилась у меня богатая колоннада, которая имѣла свою необходимость, и онъ помѣстилъ колоннаду. Авторъ статьи замѣтилъ, что «артистъ, при помѣщеніи сей колоннады, имѣлъ въ виду не одну красоту, но и особую высокую идею». Какая же это идея? «Какъ на пути добродѣтели истинный христіанинъ всегда встрѣчаетъ какія-то препятствія, отъ какихъ-то ложныхъ красотъ со-

*) На полѣ рукописи сдѣлана А. И. Герценомъ замѣтка: «Справиться какой журналъ?»

вращающихъ путь его; но истинный воинъ христовъ проходитъ мимо». Право, непонятна эта высокая идея; какое препятствіе дѣлаетъ колоннада, указующая путь, и почему красота, колонны похожа «на совращающую красоту съ пути христіанскаго»? и т. д.

Прочитавъ эту статью, разумѣется, я не могъ не оскорбиться неблагороднымъ поступкомъ Мельникова⁸⁾, и потому взявъ эту книжку журнала, я явился къ князю Александру Николаевичу; показавъ ему, спрашивалъ его совѣта, несмотря на то, что еще не пришло времени, не слѣдуетъ ли мнѣ тоже напечатать *) объясненіе свое, упомянувъ о поступкѣ Мельникова, ибо впоследствии люди, худо знающіе дѣло, узнавъ мое объясненіе, могутъ найти сходство въ читанномъ ими прежде.

Но князь, нѣсколько подумавши, сказалъ, что это не нужно, ибо идеи мои извѣстны государю, многимъ знатнымъ особамъ и что слѣдственно можно презирать подобные происки.

Какъ это согласовалось и съ моимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, то я и обрадовался, что не нужно было входить въ журнальное преніе.

Впоследствии времени я встрѣтилъ однажды Мельникова у Егорова (женатаго на третьей дочери Мартоса⁹⁾), и сказалъ ему, что я читалъ статью о его проскѣ и что «новый проектъ его гораздо лучше», прибавилъ я иронически; Мельниковъ смутился, ничего не сказалъ и вскорѣ ушелъ. Тѣмъ и кончилось.

При отъѣздѣ государя изъ Москвы въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца 1818 г., мнѣ были выданы деньги, издержанныя при закладкѣ (храма), и собственно мнѣ были выданы 3000 рублей.....

Бывши въ деревнѣ у родныхъ и возвращаясь оттуда лѣтомъ въ 1818 году въ Москву, я заѣхалъ, по желанію тещи, въ Саввинскій монастырь**). Подъѣзжая къ монастырю, мы замѣтили большое движеніе и у воротъ монастыря множество чиновниковъ. При приѣздѣ узнали, что туда ожидаютъ великаго князя Николая Павловича и супругу его. Я надѣлъ мундиръ и явился въ соборъ. Всмотриваясь въ лицо генерала, сопровождавшаго великаго князя, я увидѣлъ большое сходство въ немъ съ пріятелемъ

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «написать».

Ред.

***) То-есть Саввинъ Старожевскій м., близъ г. Звенигорода, отъ котораго до Воскресенска 18 верстъ. .

П. П.

моимъ, Гартингомъ, котораго я оставилъ передъ кампаніей штабсъ-капитаномъ; наконецъ я узналъ, что это онъ самъ. Я подошелъ къ нему *). Некогда было говорить, и мы условились съ нимъ видѣться въ Москвѣ; я узналъ, что онъ командированъ для сопровожденія великаго князя по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ происходили сраженія.

На другой день моего приѣзда прислалъ Гартингъ своего адъютанта Пошмана, чтобъ объявить мнѣ, что его высочество желаетъ меня видѣть; замѣтивъ тогда академическій мундиръ, онъ спросилъ у Гартинга, кто я, и узнавъ, сказалъ, что давно уже желалъ видѣть меня и просить. Вслѣдствіе чего, я въ тотъ же день явился къ его высочеству съ моимъ проектомъ. Я объяснилъ великому князю во всѣхъ подробностяхъ проектъ. Онъ остался довольнымъ и заключилъ тѣмъ, что имѣеть ко мнѣ особую просьбу. Дѣло состояло въ томъ, что ему угодно было воздвигнуть придѣлъ во имя Александра Невскаго въ Воскресенскомъ монастырѣ **), въ память рожденія сына.

— «Я поручалъ архитекторамъ, но проекты ихъ такъ обыкновенны; мнѣ бы желалось что-либо новое съ вашими идеями».

Я немедленно занялся маленькимъ чертежемъ и черезъ нѣсколько дней явился съ чертежемъ къ его высочеству, удержавъ въ царскихъ вратахъ ту же идею, какъ въ церкви князя Александра Николаевича (Голицына), съ нѣкоторыми измѣненіями. Онъ желалъ, чтобъ придѣлъ былъ ***) мраморный съ бронзою ****).

Онъ остался доволенъ и просилъ тотчасъ приступить къ исполненію и при немъ, чтобъ сдѣлать закладку. Я заказалъ доску изъ серпуховскаго желтаго мрамора, съ высѣченными словами о имени придѣла и случаѣ, почему оный воздвигается. Отправясь вмѣстѣ съ его высочествомъ въ Воскресенскій монастырь для положенія сего камня, гдѣ и была совершена закладка, на другой день я получилъ отъ его высочества брилліантовый перстень.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «и началъ съ нимъ говорить. Великій князь, увидя это и обратя вниманіе, спросилъ».

Ред.

**) Называемомъ Новымъ Іерусалимомъ, въ 48 верстахъ отъ Москвы, на рѣкѣ Истрѣ.

П. П.

***) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «бѣлый».

Ред.

****) «Бронзою», вм. зачеркнутаго: «съ золотомъ».

Ред.

Его высочество отправился въ Петербургъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ имѣть чертежи для сосудовъ и полной утвари изъ золота и серебра, на которую онъ желалъ употребить блюда, поднесенныя ему московскимъ купечествомъ, по случаю рожденія великаго князя Александра Николаевича. Послѣ чего, я отправился въ Петербургъ.

Въ томъ же году, во время пребыванія въ Москвѣ короля прусскаго съ наслѣднымъ принцемъ, по желанію его величества слышать и видѣть мой проектъ, я имѣлъ счастье ему представиться и лично объяснить. Король былъ доволенъ и слѣдующимъ лаконическимъ образомъ затѣтилъ: «Ja, das ist wirklich recht gut angedacht». Въ это время вся свита его величества удостоили меня своимъ посѣщеніемъ, въ томъ числѣ инженеръ-генералъ Раухъ, съ которымъ мнѣ было пріятно объясняться нѣсколько подробно по практической части. Многіе совѣтывали прежде всего сондировать землю, но я полагалъ это излишнимъ (хотя и было сдѣлано нѣсколько сондированій), и думалъ что надлежитъ рѣшительно приступить къ выемкѣ земли и тогда преодолевать встрѣчающіяся препятствія. Мы были съ нимъ на самомъ мѣстѣ: Раухъ совершенно одобрилъ мое предположеніе, прибавивъ къ тому, что по выемкѣ всей нужной земли сондировать, ибо являются иногда подъ самымъ лучшимъ грунтомъ опасныя мѣста, съ чѣмъ я и согласился, находя его мнѣніе совершенно справедливымъ.

Организація комисіи и прочія дѣла по храму остановились около *) года; можетъ, въ этому способствовало и то затрудненіе, какое могло произойти отъ отъзыва моего на счетъ генерала Карбонье, которое затрудненіе вскорѣ устранилось переводомъ его въ С.-Петербургъ. Къ сему времени относится образованіе министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Министромъ былъ назначенъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Между тѣмъ я продолжалъ заниматься чертежемъ храма и въ особенности обработываніемъ экономическаго проекта. Вотъ въ чемъ состояла идея: 1) текстъ экономическаго проекта; 2) возраженіе министра финансовъ съ поясненіями; 3) положеніе о сооруженіи въ Москвѣ храма на Воробьевыхъ-горахъ.

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «на цѣлѣй».

По прїѣздѣ моемъ въ 1819 году въ Петербургъ, проектъ экономическій былъ поверженъ къ разсмотрѣнію государя императора.

Онъ ему весьма понравился. «Странно, сказалъ онъ, опять новость; при этомъ храмъ много чрезвычайнаго». Съ тѣмъ вмѣстѣ государь приказалъ, чтобъ я явился къ министру финансовъ Д. А. Гурьеву «отъ котораго вѣдь мы получаемъ деньги» *), и объяснить ему подробности сего проекта.

Вслѣдствіе сего я и былъ у него. Министръ казался довольнымъ; при этомъ былъ его правитель канцеляріи (или директоръ) Дружининъ. Министръ сказалъ: «Вы такъ много озаботились о выгодахъ казны, что, кажется, даже можно бы прибавить крестьянамъ что-нибудь къ суммѣ, назначенной имъ для годичнаго продовольствія».

На это я возразилъ, что «все мое стараніе было для возможнѣйшаго облегченія казны; но что мнѣ будетъ очень пріятно, ежели казна сдѣлаетъ какую либо прибавку.»

Государь утвердилъ мои предположенія и повелѣлъ приступить къ начальному опыту. Меня причислили къ министерству духовныхъ дѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пять лицъ, представленные мною (двое по хозяйственной, двое по искусственной и одинъ по письменной), причислены къ оному и прикомандированы ко мнѣ по предмету высочайше возложеннаго на меня порученія. Какъ я опасался, что разглашеніе порученія о покупкѣ имѣній возвысило бы цѣны на имѣнія, то я и просилъ, чтобъ оное было секретно, посему и дали видъ моему порученію прискиванія матеріаловъ по разнымъ губерніямъ, съ выдачею 5000 руб. на необходимые по сему расходы, какъ-то разѣзды и прочее. Вмѣстѣ съ симъ всемілостивѣйше повелѣно: производить жалованье изъ кабинета не 2000, а 3000 руб.

Х.

Исполненіе сихъ порученій шло довольно успѣшно; для отыскиванія имѣній и матеріаловъ, я осматривалъ берега Оки и Москвы. Собралъ чрезъ генераль-губернатора свѣдѣнія о находящихся каменоломняхъ, я узналъ, что кромѣ Мячковской, внизъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «для показанія ему сего положенія».

«РУССКАЯ СТАРИНА», т. V. 1872 г. АПРѢЛЬ.

по Москвѣ-рѣкѣ верстѣ 20 и Татаровской¹⁰⁾ на верховьи верстѣ 60 отъ города, другихъ нѣтъ или не знаютъ. Изъ коихъ Татаровская хотя и доставляла твердый дикій камень, коимъ выложена набережная у Москвы-рѣки, но что она довольно истощена; а Мячковская, состоящая изъ мягкаго известняка, не представляла мнѣ выгодъ и потому, при собственномъ объѣздѣ, я предполагалъ искать новыхъ каменоломней отъ верховья Москвы до Оки, и по самой Овѣ близъ Алексина, Серпухова....

Вслѣдствіе чего открыты были много мѣстъ, изобилующихъ хорошими камнями; одно изъ нихъ на верховьяхъ Москвы при казенныхъ деревняхъ Григоровѣ и Ладыгинѣ¹¹⁾ (гдѣ оныя и открылись). Сему мѣсту далъ я преимущество, потому что видѣлъ возможность доставлять оный (т.-е. камень) Москвою до Воробьевыхъ-горъ, сдѣлавъ судоходною оную. Съ тѣмъ вмѣстѣ отысканы были нѣсколько помѣщичьихъ имѣній, совершенно согласныхъ моимъ требованіямъ и по многу назначеннымъ дешевымъ цѣнамъ, даже съ нѣкоторымъ пониженіемъ противъ высочайше утвержденной цѣны.

Въ 1820 г. я отправился въ Петербургъ для донесенія о благополучномъ успѣхѣ возложенныхъ порученій. Князь, къ которому я явился, сказалъ, что я весьма хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ, ибо онъ получилъ формальное опроверженіе отъ министра финансовъ противъ моего экономическаго проекта.

Въ тотъ же день, отправляясь по набережной Невы на Васильевскій островъ, неожиданно встрѣтился съ прогуливавшимся императоромъ. Какъ государю не могъ еще быть извѣстнымъ мой пріѣздъ и думая, что онъ не узнаетъ меня одѣтаго по зимнему, я думалъ, что пройду незамѣченнымъ имъ; но когда я былъ довольно близокъ къ нему, я увидѣлъ по взгляду, что государь узналъ меня и шелъ прямо ко мнѣ. При семъ нельзя не замѣтить слѣдующаго маленькаго происшествія:

Какой-то человѣкъ шелъ по тому же тротуару; государь, подойдя ко мнѣ, вдругъ остановился возлѣ меня; этотъ человѣкъ, полагая, что государь пойдетъ мимо, а можетъ и не узнавъ его, столкнулся съ государемъ. Государь, прежде нежели далъ ему время опомниться, самъ извинился передъ нимъ съ величайшимъ добродушіемъ. Потомъ, обращаясь ко мнѣ: «Давно ли ты пріѣхалъ?».

«Нынче утромъ, ваше величество».

— Это хорошо, что ты здѣсь, надобно будетъ заняться дѣломъ,—сказалъ онъ и, поклонившись, пошелъ.

И въ то же время подошелъ ко мнѣ полицейскій чиновникъ съ разспросами, кто я, что я говорилъ съ государемъ, не просилъ ли чего; но которому я сказалъ, что онъ могъ видѣть, что не я остановилъ государя, а онъ, и что ни кто я, ни о чемъ говорилъ, до него не касается — онъ и отсталъ послѣ этого. Послѣ чего я тотчасъ возвратился къ князю и рассказалъ ему мою встрѣчу.

На другой день мнѣ было передано по высочайшей волѣ мнѣніе министра финансовъ, съ тѣмъ, чтобъ я сдѣлалъ на оное свои поясненія, которыя и будутъ приложены.

Я спросилъ князя, что это: замѣчаніе или опроверженіе?

Князь сказалъ: «болѣе опроверженіе».

— Въ такомъ случаѣ вѣроятно это ошибочно, ибо истина одна и выгода моего проекта очевидна.

Признаться надлежитъ, я предполагалъ, что опроверженіе, писанное въ министерствѣ финансовъ людьми, всю жизнь посвятившими сему предмету, по крайней мѣрѣ будетъ такъ хитро и обдуманно, что мнѣ трудно со всѣмъ убѣжденіемъ возражать на оное. Но прочитавъ оное, я улыбнулся и увидѣлъ, какъ нестрашны хитрости людей неблагонамѣренныхъ для разбора напутствуемаго чистымъ намѣреніемъ и прямымъ взглядомъ.

Тутъ вспомнилъ я, какъ знаменитый Оксенштиерна*) назначилъ юнаго сына своего, только что кончившаго курсъ наукъ, на конгрессъ. Юноша испугался, какъ ему бороться со всѣми этими людьми, посѣдѣвшими въ дипломатию. Но онъ ему сказалъ: «ступай, и ты увидишь, какъ легко человекъ съ дарованіемъ, идучи по прямому пути, побороть эти ложные умы». Его слова сбылись.

Я написалъ опроверженіе. То и другое прилагаются **). Государь остался доволенъ онымъ, говоря что въ мнѣніи Гурьева

*) Оксенштиерна Аксель, извѣстный шведскій дипломатъ временъ Густава-Адольфа, по смерти коего за малолѣтствомъ королевы Христины, во время 30-ти-лѣтней войны, былъ регентомъ Швеціи; ум. въ 1654 г. Ред.

***) При подлинникѣ записокъ — «Опроверженія» этого не имѣется.

есть даже логическія ошибки и приказалъ князю Александру Николаевичу прочесть ему мое опроверженіе и сказать, что его величество въ полной мѣрѣ согласенъ со мною. При семъ случаѣ, министръ сказалъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ дать 10.000.000, когда не былъ приготовленъ на то. Князь объявилъ мнѣ объ этомъ.

— «Я зналъ, что у министра финансовъ денегъ не будетъ для строенія храма и потому я заранѣе озаботился и имѣю въ виду 10.000.000, т.-е. заемъ въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, а министръ финансовъ, обѣщавшійся ежегодно отпускать 2.000.000, пускай уплачиваетъ оными долъгъ».

Это было доведено княземъ до свѣдѣнія государя.

Опять довольно странно, что и тутъ найдено средство преодолѣть препятствіе. Государь велѣлъ объявить министру финансовъ, который замѣтилъ, что опекунскій совѣтъ не можетъ ссудить сей суммой.

Я объявилъ князю, что я не осмѣлился бы сдѣлать невозможное предположеніе, и потому передъ отъѣздомъ я справлялся въ совѣтѣ и узналъ готовность онаго сдѣлать сіе. Тогда было приказано оффиціально спросить Н. Л. Львова, старшаго члена совѣта, о возможности такого займа. Спустя двѣ недѣли былъ полученъ удовлетворительный отвѣтъ.

Казалось, препятствія были устранены; тогда министръ (Гурьевъ) прибѣгнулъ къ новому извороту, говоря, что такой заемъ нельзя учредить, ибо это противно комисіи погашенія долговъ. На это я представилъ прилагаемое мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что оборотъ сей, доставляющій приобрѣтеніе, не есть долъгъ, въ собственномъ смыслѣ слова, но распоряженіе, необходимое въ сіе время, само собою уничтожающееся и совершенно сообразное съ началами принятой нынѣ финансовой системы, почти всѣхъ европейскихъ государствъ.

Послѣ сего министръ уже не дѣлалъ опроверженій--и мнѣніе мое состоялось. При семъ нельзя не замѣтить явнаго противудѣйствія со стороны министра финансовъ. Причина сего кажется ясна: распоряженіе мое было слишкомъ выгодно для казны и слишкомъ невыгодно для министерства, коего требованія довольно видны въ возраженіи министра, «что никто не захочетъ продавать своихъ имѣній, по мною назначенной низкой цѣнѣ»;—

на что я возразилъ согласіемъ помѣщиковъ не токмо по сей, но и по низшей цѣнѣ уступить казнѣ.

Вслѣдъ за симъ утвержденъ императоромъ проектъ комисіи съ экономической частью.

Съ сего времени начинается новый образъ дѣятельности по сему предмету, и посему мы остановимся тутъ.

7-го іюля 1820 г. состоялся рескриптъ на имя князя Александра Николаевича *):

„Князь Александръ Николаевичъ! Манифестомъ даннымъ въ Вильно въ 25-й день декабря 1812 года, возвѣстилъ я намѣреніе соорудить въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя, вслѣдствіе чего и заложень сей храмъ октября 12 дня 1817 года на Воробьевыхъ горахъ по утвержденному мною плану академика коллежскаго ассесора Витберга.

„Нынѣ для производства строенія по сему плану и для распоряженія назначаемыми къ тому денежными и другими пособіями, призналъ я за нужное учредить комисію изъ двухъ первенствующихъ и двухъ непремѣнныхъ членовъ: первенствующими членами сей комисіи повелѣваю быть митрополиту московскому Серафиму и московскому военному генераль-губернатору князю Голицыну; непремѣнными — коллежскому ассесору Витбергу, въ званіи директора строенія и экономической части, и одному совѣтнику, который отъ меня впредь назначень будетъ.

„Я поручаю вамъ привести сіе въ надлежащее исполненіе и объявить о семъ первенствующимъ членамъ комисіи. Пребываю вамъ всегда благосклонный Александръ (**).

Оканчивая сію часть, нельзя не упомянуть съ благодарностью о томъ вниманіи, которое оказывали моему проекту люди извѣстные, ученые, путешественники, посланники почти всѣхъ европейскихъ дворовъ, ... о томъ горячемъ желаніи, съ которымъ старались его видѣть; о многихъ уже было сказано; изъ про-

*) Далѣе въ подлинникѣ отмѣткой «текстъ рескрипта», но его не приведено. Выписываемъ этотъ документъ изъ П. С. З. т. XXXVII, № 28,349. Ред.

**) При рескриптѣ приложены: штатъ комисіи для сооруженія храма Христа Спасителя въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ. См. П. С. З. книгу штатовъ, къ № 28,347. Совѣтникомъ въ комисію впоследствии времени былъ назначень по ходатайству Витберга—Аркадій Павловичъ Руничъ, братъ его друга Дмитрія Рунича; къ этому послѣднему имѣется подлинная записка Витберга; уведомляя объ этомъ назначеніи, онъ заключаетъ записку: «...мигъ въ особенности пріятно обо всемъ этомъ извѣстить перваго васъ, — вчерась вечеромъ въ 9 часовъ говорилъ я объ этомъ съ государемъ....». Ред.

чихъ скажемъ о нѣкоторыхъ тоѣмо особенно замѣчательныхъ: сардинскій посланникъ (въ 1817 году) разсматривая какъ художникъ, какъ итальянецъ, замѣтилъ одному изъ спрашивавшихъ его, что «этотъ храмъ выше храма св. Петра, строенаго во вкусѣ падшей (нашей) архитектуры того времени». Это сужденіе мнѣ много льстило. Итальянецъ, отрекающійся отъ своего св. Петра!

Герцогъ Девонширскій обратилъ вниманіе на другую часть проекта: какъ англичанинъ, на—экономическую, и съ тѣмъ глубокимъ сознаніемъ дѣлъ финансовыхъ, которыя имъ такъ врожденны, какъ артистическія понятія—итальянцамъ, съ восторгомъ сказалъ: «Такиа средства имѣеть одна Россія!»

Лестные отзывы, похвалы стремились отвсюду; съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я письмо знаменитаго Библикинга въ Мюнхенѣ, который, издавая архитектурную книгу, въ коей помѣщая знаменитѣйшія зданія нашего вѣка, просилъ прислать ему мой проектъ, о которомъ онъ писалъ какъ о первомъ зданіи нашего вѣка. Но тогда мнѣ было не до того; я не могъ его удовлетворить,—тогда уже начались всѣ гнусности интриги, которая завлекла меня.

Говоря объ этихъ мнѣніяхъ, нельзя умолчать о мнѣніи знаменитаго генерала нашего Милорадовича, который спросилъ меня: «изъ чего будутъ колонны?»

«По недостатку хорошаго камня, онѣ будутъ изъ того дикаго камня, который можно найти въ Московской губерніи, или даже изъ кирпича».

— «Почему же не изъ финляндскаго гранита?»

«Это чрезмѣрно будетъ дорого, возразилъ я, по огромности колоннъ и по дороговизнѣ самой доставки».

— «По моему тѣмъ-то и лучше, чѣмъ дороже; чѣмъ труднѣе, тѣмъ болѣе славы для памятника Россіи; дешевое, легкое—всякій можетъ сдѣлать».

Такъ люди, отличные въ какомъ бы отношеніи ни были—сочувствуютъ великому!

Вотъ еще встрѣча другого рода: *) зимою 1817 года Воробьевскій священникъ пришелъ ко мнѣ рассказать, что былъ ка-

*) Далѣе зачеркнуто: «въ 1817 г. приѣхавшій изъ Константинополя грекъ Станопуло»...

кой-то грекъ изъ Царяграда у него, по имени Станопуло, съ чудотворною иконою живоноснаго источника (зоондохопіи) *). Онъ просилъ отслужить ему молебень на мѣстѣ закладки храма, прося взять для этого случая икону съ собою, имъ принесенную, о которой мы сказали; ибо имѣлъ трикратное видѣніе во снѣ св. Николая, который повелѣвалъ ему идти въ Москву служить молебень на Воробьевыхъ горахъ, на мѣстѣ заложенаго храма. Во время молебна священникъ замѣтилъ потокъ воды на иконѣ. Грекъ замѣчалъ, что въ этой иконѣ сокрыто свойство появленія сего потока. Священникъ же замѣтилъ, что когда они пришли, на террасѣ снѣгъ былъ расчищенъ, не зная впрочемъ вѣмъ. Во время самаго молебна грекъ вынулъ какой-то сосудъ и лилъ изъ него воду на камень и, по окончаніи, вручилъ ему записку, которую просилъ, чтобы онъ довелъ до своего начальства, и что нельзя ли слова, написанныя на ней, написать гдѣ-либо въ храмѣ, и что онъ уже донесъ объ этомъ преосвященному Августину. На сожалѣніе мое, что я не видалъ этого монаха, священникъ сказалъ, что онъ по тому же видѣнію идетъ въ Петербургъ; но по возвращеніи его обѣщался быть у меня; какъ и случилось. Мнѣ очень хотѣлось знать подробности сего происшествія. Въ одну ночь, просыпаясь, онъ видитъ свѣтлое изображеніе, въ которомъ узнаетъ святителя Николая, повелѣвающаго ему идти въ Москву, несмотря на всѣ препятствія, и отслужить тамъ молебень на мѣстѣ вновь заложенаго храма. Это было три раза и наконецъ съ угрозами. Сверхъ того изъ Москвы видѣніе повелѣвало ему идти въ Петербургъ, для причащенія въ Александровско-Невской лаврѣ. Послѣ перваго явленія онъ нашелъ у себя на груди образъ. Онъ собирался, медлил, и въ третій разъ явился св. Николай съ угрозами, и онъ немедленно отправился съ образомъ и взялъ воду изъ особаго славящагося источника. Такимъ образомъ онъ дошелъ до Москвы. Это было въ началѣ греческой войны.

Передаю сей случай какъ мнѣ было рассказано, не вникая ни въ какія изслѣдованія. Объ этомъ можно справиться въ донесеніи, сдѣланномъ тогда синоду.

Въ это же время познакомился я съ Кочубеемъ, который вни-

*) Далѣе зачеркнуто: «и что самъ священникъ замѣтилъ на той иконѣ потокъ воды»... Ред.

каль во всѣ подробности проекта и даже сообщил мнѣ весьма важное замѣчаніе, которымъ я и воспользовался въ полной мѣрѣ, тѣмъ страннѣе, что множество художниковъ смотрѣвшихъ не попадали на эту мысль. Именно ему казалось, что по обширности плана, середина его слишкомъ мала (тогда діаметръ купола былъ 12 саж.). Истина сего замѣчанія столь очевидна, что я съ удивленіемъ видѣлъ, какъ я еще дотолѣ увлекался храмомъ Петра, что не замѣчалъ несообразности этой. Я тотчасъ сталъ переработывать эту часть и въ послѣдствіи достигъ, давши 27 сажень діаметру купола.

Кочубей вскорѣ уѣхалъ въ чужіе края и изъ Италіи писалъ къ князю Александру Николаевичу (Голицыну), что желательно бы было, чтобъ я побывалъ хоть на короткое время въ Италіи или въ Римѣ, для моихъ занятій.

Князь передалъ это государю, который сказалъ: «я о Витбергѣ совсѣмъ не такъ думаю; путешествіе можетъ повредить его проекту; онъ сдѣлалъ теперь произведеніе оригинальное, но можно ли ручаться, чтобъ онъ не увлекся тамъ древними памятниками, что сталъ бы подражать».

Это замѣчаніе совершенно согласовалось съ моимъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Прежде проекта я весьма желалъ путешествовать, вполнѣ понимая всю пользу отъ этой, такъ сказать, опытности въ мѣрѣ изящнаго; но тутъ другое чувство родилось. Мнѣ хотѣлось доказать, что человѣкъ равно можетъ обойтись и безъ итальянскаго ученія и вліянія чужеземнаго для созданія творческаго, и тѣмъ выше будетъ оно; даже какое-то чувство національной гордости заставляло меня отдалять все не отечественное, для бѣльшей самобытности.

XI.

Проницательный вопросъ, сдѣланный императоромъ о моемъ воспитаніи и моей жизни, столь естественно возникнувшій у него, вѣроятно возникнетъ и у каждаго мыслящаго человѣка, пробѣгающаго листы *) сіи. Посему, удовлетворяя его, опишу я главныя черты моего воспитанія и моей жизни.

Начальное воспитаніе мое было въ горномъ корпусѣ; оно

*) Въ мѣсто зачеркнутаго: «строки».

было прервано тяжкой болѣзнію, какъ видно изъ моего отвѣта государю. Тогда меня готовили для званія доктора медицины; но въ душѣ я имѣлъ отвращеніе и отъ сей науки и отъ самыхъ занятій, которыя часто могли влечь смерть человѣка. Другое призваніе манило меня—искусства изящныя.

Я объявилъ это моему отцу, и хотя ему должно было быть непріятно, что я измѣняю его назначеніе, хотя онъ могъ полагать, что я по молодости могу слѣдовать первому увлеченію; но руководимый прямымъ взглядомъ, онъ не воспрепятствовалъ мнѣ, и представя на видъ всѣ отношенія, вслѣдствіе которыхъ онъ избралъ мнѣ сіе званіе, онъ оставилъ полную волю, замѣтивъ, что онъ по опыту знаетъ, какъ худо препятствовать естественнымъ склонностямъ. Въ молодости своей онъ чрезвычайно хотѣлъ избрать военную службу; но отецъ его, ставя на видъ недостаточное состояніе его и собственный примѣръ, не дозволялъ ему. Исполняя его волю, онъ отправился изъ Карлскрона въ Копенгагенскую Академію. Но какъ онъ занимался не отъ души, то и кончилось тѣмъ, что едва приобрѣлъ настолько талантовъ, чтобъ бѣдно поддерживать свою жизнь. Впослѣдствіи отецъ мой, въ теченіи 40-лѣтнихъ трудовъ, только приобрѣлъ небольшое недвижимое имѣніе въ Московской губерніи, которое, наконецъ, перешло ко мнѣ съ долгами.

Меня учили музыкѣ и именно играть на скрипкѣ. Странно то, что я не могъ никакъ выучиться нотамъ. Я вскорѣ сталъ играть, но ноты мнѣ казались чрезвычайно трудными оковами, положенными для тягости, и я обыкновенно добавлялъ невѣдѣніе ихъ ухомъ, которое было очень вѣрно у меня, такъ, что учителя не всегда замѣчали, что я играю по слуху, а не по нотамъ.

Любовь въ изящнымъ искусствамъ еще болѣе питалась во мнѣ *) большою галлереею изъ оригинальныхъ произведеній у зятя моего, извѣстнаго въ Петербургѣ Герлаха.¹²⁾ Въ Академію попасть на казенный счетъ было довольно трудно, хотя я и тщательно занимался рисованіемъ; посему сначала явилось-было у меня намѣреніе: съ историческаго эстампа изъ священной исторіи скопировать водяными **) красками (en gouache) и хотѣлъ

*) Зачеркнуто: «довольно большою».

**) Въсто зачеркнуто: «соковыми».

Ред.

Ред.

его поднести императору, прося помѣстить меня въ Академію для развитія способностей. Я началъ исполнять свое намѣреніе, когда представился другой случай. Графъ Строгоновъ, узнавъ отъ академика Воронихина о признакахъ таланта во мнѣ, способствовалъ моему принятію въ Академію на казенный счетъ, и я попалъ въ 4-й возрастъ, избравъ себѣ историческую живопись.

Профессоръ живописи Угрюмовъ *), замѣтивъ талантъ мой, заставилъ меня копировать довольно сложную историческую картину Гвидо-Рени, и когда я отзывался, что никогда не копировалъ, онъ сказалъ мнѣ: «сладись, братъ, сладись». И дѣйствительно, я скопировалъ картину довольно хорошо. Послѣ сего я не болѣе копировалъ какъ четыре картины, не чувствуя ни малѣйшей склонности къ копированію; напротивъ я былъ вскорѣ весьма прилеженъ въ представленіи эскизовъ для каждаго ежемѣсячнаго экзамена на заданныя программы, сначала рисованныхъ, а впослѣдствіи писанныхъ. Одинъ изъ таковыхъ сдѣлалъ вдругъ извѣстнымъ меня въ Академіи. Однажды профессоръ Угрюмовъ не имѣлъ времени избрать программу и предоставилъ выборъ мнѣ. Я избралъ Освобожденіе св. Петра изъ темницы, который и былъ заданъ для всѣхъ. Написанный мною эскизъ обратилъ вниманіе профессоровъ, которые назвали мастерскимъ это произведеніе. Соединеніе двухъ свѣтовъ, одного отъ ангела, освѣщавшаго апостола и ближайшіе предметы, и вдали свѣта луны, освѣщавшаго дальніе предметы, дѣлали пріятную гармонию и эффектъ этой картины. Я былъ призванъ въ совѣтъ и меня осыпали похвалами и назначили, чтобы къ предстоявшему открытію Академіи, въ Петровъ день, поручено мнѣ было написать въ болѣшемъ видѣ этотъ эскизъ, для выставки,—что и было мною сдѣлано. Картина сія была одобрена публикою и описана учителемъ**) Шредеромъ въ журналѣ на нѣмецкомъ языкѣ, издаваемомъ имъ. Во время открытія (Академіи) императрица Марія Ѳеодоровна обратила на нее вниманіе и пожелала меня видѣть. Я былъ осыпанъ ея ласками; она говорила, что я много

*) Извѣстный по двумъ огромнымъ картинамъ, заказаннымъ императоромъ Павломъ для Михайловскаго дворца: избраніе Михаила Ѳеодоровича и взятіе Казани.

Примѣч. А. И. Герцена.

**) Зачеркнуто: «кадетскаго корпуса».

Ред.

объщаю. Эскизъ сей я подарилъ моему родителю, который весьма былъ обрадованъ моему успѣху; первый же эскизъ просили у меня академикъ Михайловъ¹³⁾ и ректоръ Академіи скульпторъ Гордѣевъ¹⁴⁾, которому я и уступилъ.

Вскорѣ получилъ я серебряную медаль*). Сначала я совсѣмъ не ждалъ медали; но на экзаменѣ получилъ довольно близкій нумеръ за рисунокъ съ натуры; это подстрекнуло меня. Къ слѣдующему экзамену я занялся очень прилежно, не спалъ ночей; но получилъ очень далекій нумеръ, ибо истощая силы, притуплялъ такъ сказать способности. Въ самомъ дѣлѣ, картина была плоха. Тогда я положилъ себѣ за правило впередъ не насиловать такъ своего таланта и работать свободно. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій третней экзаменъ получилъ младшую медаль за рисованіе съ натуры, а вскорѣ и старшую серебряную по заданной программѣ. Для баллотировки на золотую медаль былъ заданъ**) «Владиміръ, принимающій дары отъ греческихъ пословъ». По болѣзни я не могъ ею заняться. Академія, цѣнившая мои способности, объявила мнѣ, что я могу поступить въ пансіонеры за извѣстный эскизъ св. Петра. Я отвѣчалъ, что мнѣ пріятнѣе бы было еще болѣе усовершенствовать себя. И я былъ оставленъ. Черезъ годъ была задана программа Навуходоносоръ, ввергающій юношей въ печь огненную. За сію картину я получилъ младшую золотую медаль и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ наименованъ пансіонеромъ Академіи; не дожидаясь выпуска (получилъ) шпагу и аттестатъ 1-й степени.

Въ пансіонерствѣ задается послѣдняя программа и съ полученіемъ старшей золотой медали получается право на путешествіе въ чужіе края. Черезъ годъ была задана программа пансіонерамъ академіи: Марѳа Посадница приводитъ Мирослава въ Θεодосію, бывшему посаднику Новгородскому, для принятія благословенія, передъ отшествіемъ на битву. Θεодосій вручилъ мечъ съ надписью: «Я не достанусь врагамъ».

*) Въ подлинномъ зачеркнуто: «Въ теченіи четырехъ лѣтъ я кончилъ курсъ Академіи и былъ удостоенъ двумя серебряными и двумя золотыми медалями»...

Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «изъ Навуходоносора, ввергающаго отроковъ въ огненную печь».

Ред.

Я былъ отвлеченъ нижеслѣдующими обстоятельствами отъ сего занятія. Великій князь Константинъ Павловичъ требовалъ отъ академіи способныхъ молодыхъ людей для нарисованія военныхъ костюмовъ. Хотя это не касалось до пансіонеровъ, но вице-президентъ Чекалевскій, думая мнѣ сдѣлать пользу, назначилъ и меня. Великій князь принялъ насъ весьма благосклонно (т.-е. меня съ двумя товарищами). Занятія наши производились въ Мраморномъ дворцѣ подъ руководствомъ Орловскаго. Двое товарищей лѣнились и трудами ихъ былъ Орловскій недоволенъ; посему все дѣло оборвалось на мнѣ, и хотя было обѣщано много, но кромѣ пользованія столомъ отъ великаго князя, ничего не было *); а между тѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ (я) потерялъ, и въ это-то время была задана та программа, отъ исполненія которой я былъ отвлеченъ. Между тѣмъ насъ было двое по исторической живописи, и потому товарищъ мой¹⁵⁾ могъ получить большую медаль безъ всякаго соперничества. Посему, насколько время дозволяло, я началъ обрабатывать картонъ въ величину картины, не имѣя времени заняться самой картиной. Рисунокъ этотъ былъ выставленъ. Академія, зная причины, препятствовавшія мнѣ заняться, одобрила мой картонъ, похваливъ стиль и сочиненіе, но не имѣя права по оному дать медаль, отказала моему товарищу, а мнѣ назначила заняться программой на слѣдующій годъ. Программа сія состояла изъ Андромаха и Астіанакса, оплакивающихъ тѣло Гектора.

Поелику я всегда любилъ подавать свои эскизы писанными, я принесъ его позже прочихъ въ Совѣтъ и отдалъ ректору академіи; выходя изъ залы, я вскользь замѣтилъ особаго рода похвалу, изъ чего могъ заключить, что прочіе эскизы были слабѣе.

Каково же было мое удивленіе, когда, обѣдая у конференцъ-секретаря Лабзина, я увидѣлъ, что онъ нашелъ весьма слабымъ мой эскизъ, думая, что я удивлю всѣхъ; но это случилось не такъ.

Я спрашивалъ его, развѣ мой эскизъ дуренъ?

*) Въ рукописи съ боку приписка:

Ich hab'noch vergessen—

Er kann bei mir essen.

(Переводъ): Забылъ еще сказать —

Онъ можетъ у меня обѣдать. (Отрыв. изъ нѣм. пѣсни).

Ред.

— «Чему быть хорошему?» — и началъ критиковать.

Это меня смутило, особенно послѣ отзыва, слышаннаго мною.

Я спрашивалъ откровеннаго мнѣнія одного изъ профессоровъ, и тотъ отнесся съ величайшею похвалою и сказалъ, что (эскизъ мой) былъ лучшій. Это еще болѣе увеличило мое недоумѣніе.

Между тѣмъ, по особенному уваженію къ Лабзину, о чемъ, какъ и о моемъ знакомствѣ съ нимъ, скажу ниже, я, не понимая, что могло (побудить) его такъ отзываться и слыша его критику, сталъ помышлять о перемѣнѣ моей идеи и приблизиться къ идеи болѣе близкой къ выраженной Лабзинымъ, несмотря, что я зналъ, что онъ какъ художникъ прямо судить не могъ.

Я перемѣнилъ свое сочиненіе и занялся уже выполненіемъ своей картины. Между тѣмъ Совѣтъ, обходящій всякій мѣсяцъ кабинеты пансіонеровъ, чѣмъ-то задержанный, сталъ обходить черезъ два мѣсяца. Программа моя въ большемъ видѣ была вся приготовлена. Подлѣ нея висѣлъ первый мой эскизъ. Совѣтъ долгое время молчалъ, обращая вниманіе на первый эскизъ. Такое молчаніе казалось мнѣ подозрительнымъ и я угадывалъ мысль Совѣта, что я худо сдѣлалъ отойдя отъ первой идеи. И дѣйствительно ректоръ и нѣкоторые изъ старшихъ, вопроса, обратились ко мнѣ весьма деликатно, боясь оскорбить меня, почему я отошелъ отъ первой идеи?

Естественно, что я былъ крайне оскорбленъ внутренно этимъ и я не зналъ, что сказать кромѣ того, что новый представленный имъ кажется удовлетворительнѣе.

— «Напрасно, напрасно оставилъ свою идею», сказалъ совѣтъ, «но теперь дѣлать нечего, время немного, продолжайте вашу картину».

Лишь только Совѣтъ оставилъ мой кабинетъ, какъ въ одно мгновеніе уничтожилъ я эту картину и тотчасъ занялся новою, въ точномъ смыслѣ согласною съ первою моею идеею, надѣясь, что въ теченіи мѣсяца буду въ состояніи ее произвести, хотя это *) должноствовало казаться невозможнымъ. Срокъ выставки приближался (1-е сентября), но у меня много еще оставалось для довершенія; такъ что, при всемъ стараніи моемъ, я долженъ былъ отбросить Астіанакса и его кормилицу и при всемъ томъ вообще

*) Зачеркнуто: «всякому».

картина была не въ окончательномъ видѣ выставлена. Несмотря на то, я былъ удостоенъ по ней большой золотой медали, вмѣстѣ съ тѣмъ (получилъ) право на путешествіе, съ замѣчаніемъ, что Совѣту извѣстны мои таланты и что вѣроятно кѣмъ-нибудь была сдѣлана помѣха моимъ занятіямъ, вслѣдствіе коего не окончена картина. Самъ Лабзинъ объявилъ мнѣ о семъ, сказавъ мнѣ, что онъ крайне сожалѣетъ, что онъ былъ помѣхою въ моемъ занятіи, и впредь обѣщавъ такъ быстро не высказывать художникамъ своего мнѣнія.

Здѣсь мѣсто говорить, почему я имѣлъ такое довѣріе къ Лабзину и какъ я сблизился съ нимъ.

XII.

Во время перваго года моего курса воспитанники академіи просили дозволенія у президента о устроеніи театра, и въ этомъ случаѣ не обошлось безъ моего содѣйствія, какъ старшаго. Назначена была пьеса Сынъ любви, Коцебу. Всё производилось подъ руководствомъ Лабзина, у котораго былъ образованъ свой пріятельскій театръ и потому собирались къ нему для чтенія ролей; я считалъ это ненужнымъ и не явился къ нему для репетиціи, и не задолго предъ представленіемъ читалъ только часть роли, и Лабзинъ былъ мною недоволенъ; но во время самаго представленія Лабзинъ восхищался моею игрою; ему все нравилось во мнѣ. Слѣдствіемъ сего было, что Лабзинъ пригласилъ меня въ пріятельскій театръ, который находился у одного изъ его близкихъ друзей. Товарищъ мой, приглашенный къ нему, боясь строгости его, уклонился отъ сего; я же, считая неприличнымъ не идти къ нему, отправился. Меня приглашали участвовать въ семъ театрѣ, составленномъ изъ совокупныхъ усилій, и я взялъ на себя декорационную часть. Вскорѣ я сталъ участвовать и въ самыхъ представленіяхъ. Такимъ образомъ знакомство наше съ Лабзинымъ дѣлалось тѣснѣе и я имѣлъ случай часто провожать у него вечера съ нимъ и съ его пріятелями, гдѣ я всегда проводилъ время съ большимъ удовольствіемъ среди его христіанскихъ бесѣдъ. Знакомство это мнѣ очень нравилось, ибо я видѣлъ въ Лабзинѣ очень умнаго и пламеннаго человѣка и извѣстнаго издателя «Сіонскаго Вѣстника».

Пользуясь нѣкогда тѣмъ вліяніемъ, которое имѣлъ *) извѣстный Новиковъ въ Москвѣ, котораго рвеніемъ книгопечатаніе такъ усилилось у насъ, Лабзинъ имѣлъ взглядъ несравненно высшій обмѣновеннаго взгляда швольныхъ ученыхъ. Имѣя превосходный даръ слова, онъ одушевлялъ всякую бесѣду. Лабзинъ совершенно посвятилъ себя на издаваніе христіанскихъ сочиненій, онъ горѣлъ любовью къ религіи и ко всему высокому, имѣлъ быстрый взглядъ, сердце доброе; но съ тѣмъ вмѣстѣ излишнее самолюбіе часто заставляло его входить въ погрѣшности, выражалось въ гордость и тѣмъ былъ тяжелъ для многихъ; особенно не умѣлъ (онъ) обуздывать своихъ выраженій и раздражительность. Онъ былъ переводчикъ многихъ религіозныхъ книгъ, сочиненій Эккартегаузена (съ которыми онъ былъ въ перепискѣ), Штиллинга и нѣкоторыхъ другихъ. Ревностный защитникъ обрядовъ грегороссійской церкви, ненавидящій все непрямое, лукавое, и наконецъ вѣрный подданный. Знакомый съ многими подобными предметами, ему легко было написать, по порученію императора Павла, когда онъ сдѣлался гротмейстеромъ Мальтійскаго ордена **), исторію сего ордена, имѣвшаго столь христіанское основаніе. Его пылкій характеръ часто завлекалъ его въ ошибки, но стремленіе его было всегда чисто.

Такъ, наприимѣръ, какой-то графъ Грабіенко, пріѣхавшій въ Петербургъ, выдавалъ себя за посланника Провидѣнія. Умъ сего фанатика сильно подѣйствовалъ на Лабзина и онъ чуть не попалъ въ фанатизмъ вмѣстѣ съ нимъ.

Впрочемъ, я не считаю умѣстнымъ рассказывать всю жизнь Лабзина, ибо хочу только настолько сказать о немъ, насколько это входить въ мою жизнь. Чтобы видѣть его пламенный и увлекающійся характеръ, достаточно рассказать тоюо одинъ случай изъ его жизни, навлекшій на него гнѣвъ государя.

Президентъ ***) Академіи Оленинъ предложилъ въ одномъ общемъ собраніи Академіи ¹⁶⁾ о баллотированіи въ почетные любители-члены Академіи: Аракчеева, Гурьева и Кочубея. На вопросъ конференцъ-секретаря, чтѣ отличнаго въ этихъ лицахъ и чѣмъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «распространялось около».

Ред.

**) Съ боку приписка въ подлинникѣ: «Узнавъ вѣроятно о способностяхъ Лабзина отъ тогда освобожденнаго Новикова».

Ред.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «вице-президентъ».

Ред.

они могутъ быть полезны Академіи и искусствамъ, представляя на видъ, что по Положенію только такіе баллотируются въ почетные члены, которые имѣютъ или музеи, или извѣстны особенною любовью къ искусствамъ, президентъ отвѣчалъ; что эти лица близкіе государю.

— «А когда такъ, то всѣхъ ближе къ государю Илья кучеръ, да и сидитъ къ его величеству спиною».

Президентъ Оленинъ, мимо министра просвѣщенія, донесъ черезъ Аракчеева до государя сіе и давно искавши случая избавиться Лабзина, который былъ слишкомъ уменъ и твердъ.

Лабзинъ умеръ, удаленный въ Симбирскъ, ибо духъ его, привыкнущій къ дѣятельности, не могъ перенести тяжести ссылки; онъ впалъ въ чахотку и перешелъ въ другую жизнь въ самомъ короткомъ времени.

«Сіонскій Вѣстникъ», издаваемый имъ съ его христіанскимъ направленіемъ, дѣйствовалъ сильно на публику; но и тутъ его необузданный умъ часто заставлялъ его переходить предѣлы благоразумія и онъ былъ запрещенъ около 1806 года.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ самъ рассказывалъ мнѣ о семь происшествіи такъ:

Еще князь (по собственному выраженію) былъ вольнодумомъ. Когда же онъ и императоръ съ 1812 года предались болѣе религиознымъ чувствомъ, разрѣшено было опять издавать «Сіонскій Вѣстникъ» и онъ продолжался до тѣхъ поръ, пока Лабзинъ успѣлъ до того раздражить духовенство, что ему снова запретили онъ.

Говоря о Лабзинѣ, скажемъ и о его наружности, которая такъ тѣсно связана съ внутреннею жизнію. Видъ его былъ важенъ*), держалъ голову болѣе вверхъ, очки, большой носъ и что-то презрительное въ губахъ; самая походка его придавала ему что-то важное и гордое.

Пылкій характеръ Лабзина увлекалъ его всегда за всѣ предѣлы. Онъ ни въ чемъ не зналъ умѣренности. Такъ исключительна была его преданность къ греческой церкви. Понимая высоко христіанство, онъ никакъ не могъ подняться до общаго взгляда, до общей любви, обнимающей всѣ церкви; я самъ вполне

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «гордъ».

понималъ высоту ритуала греческаго, дающаго столь обильное поле мыслящему человѣку, но странно было видѣть ту исключительность, которую ей давалъ Лабзинъ.

Таковъ онъ былъ и въ прочихъ отношеніяхъ. Преданный религіозно-философскимъ изысканіямъ, онъ требовалъ, чтобы всѣ жертвовали своими занятіями вопреки призванію, вопреки талантамъ, считая все низкимъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы питать жаръ и любовь во мнѣ къ искусствамъ, онъ охлаждалъ меня къ нимъ, отвлекая отъ нихъ. Эта односторонность, можетъ происходившая и отъ того, что онъ самъ не имѣлъ никакой симпатіи *) къ художествамъ, не свидѣтельствуешь въ пользу взгляда Лабзина, не могшаго подняться до эстетической высоты великаго человѣка. Можетъ, это было отдаленной причиною нашего разединенія, впоследствии случившагося.

Извѣстный рисунокъ мой «Марѳа Посадница» подарилъ я Лабзину. У него увидѣлъ его московскій генераль-губернаторъ Ростопчинъ, приѣхавъ въ 1812 году въ Петербургъ, будучи давній знакомый Лабзина. Ростопчинъ, большой любитель изящныхъ произведеній, былъ пораженъ моимъ картономъ. Лабзинъ спрашивалъ: не угодно ли графу имѣть его? Тотъ желалъ бы весьма; но не зналъ какъ сдѣлать, слышавъ, что я подарилъ его Лабзину. Лабзинъ прислалъ за мной, объявилъ желаніе графа познакомиться со мной и имѣть картину. Я отозвался на второе тѣмъ, что картина принадлежитъ ему и я располагать ею не могу. Лабзинъ послѣ этого, именемъ моимъ, и подарилъ графу картину; но графъ не хотѣлъ быть въ долгу, и понимая сколь было бы не деликатно предложить мнѣ прямо деньги, онъ, слышавъ, что я назначенъ путешествовать, прибавилъ по 500 рублей на годъ для путевыхъ издержекъ, что составляло 2000 рублей. О чемъ и было записано въ журналѣ Академіи.

Поелику я, по причинамъ изложеннымъ выше, не воспользовался этимъ путешествіемъ, то доселѣ и не получилъ этихъ денегъ. Впоследствии скажемъ нѣсколько и объ этомъ извѣстномъ и замѣчательномъ человѣкѣ.

Въ то же время имѣлъ я счастье познакомиться съ Держа-

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «эстетическаго чувства».

винимъ черезъ Лабзина. Для него я нарисовалъ двѣ виньетки къ лиро-эпическимъ сочиненіямъ. Державинъ былъ весьма знакомъ съ Лабзинымъ; онъ обыкновенно читалъ своимъ прекраснымъ (голосомъ) его сочиненія въ обществѣ любителей русскаго слова, ибо Державинъ читалъ очень дурно; не всѣ поэты имѣютъ ту превосходную способность, съ которою читаетъ намъ Крыловъ свои произведенія. Даже обыкновенно посылалъ Державинъ къ нему (Лабзину) свои стихи для грамматической корректуры. Я послѣ того часто посѣщалъ его. Домъ Державина былъ совершенно въ духѣ поэта: снаружи видны были однѣ колоннады, среди которыхъ былъ домъ чрезвычайно изящно расположенный (близъ Фонтанки, у Обухова моста). Приемъ его былъ всегда пріятливъ. Все извѣстно объ немъ, слѣдственно говорить нечего; скажу только, что онъ вѣчно ходилъ въ тепломъ халатѣ, даже за обѣдомъ при гостяхъ, и съ маленькой собачкой за пазухой. Его задумчивость и каждое слово свидѣтельствовали о безпрерывномъ одушевленіи.

Лабзинъ былъ женатъ на вдовѣ¹⁸; но дѣтей ни у него, ни у нея не было; потому онъ взялъ къ себѣ въ домъ на воспитаніе сироту¹⁹. Лабзину весьма хотѣлось выдать ее замужъ, но старанія его были безуспѣшны. Онъ обращалъ вниманіе болѣе на богатыхъ знакомыхъ, которые не подавались на это. Ей тогда было лѣтъ 13 или 14 *). Будучи коротокъ у него въ домѣ, я не былъ совершенно равнодушенъ къ ней, и меня занимала мысль жениться на ней, возвратясь изъ путешествія. Но руководимый осторожностью, я хотѣлъ ближе узнать ея характеръ. Посему предложилъ я давать ей уроки рисованія. Предложеніе было принято съ благодарностью. Посему я имѣлъ случай въ недѣлю два раза быть нѣсколько часовъ съ своею ученицею. Казалось, что Лабзинъ и его жена имѣли на мой счетъ виды.

Въ это время сталъ вхожъ къ Лабзину Артемьевъ, молодой человѣкъ съ дарованіями (онъ былъ титулярный совѣтникъ), котораго отецъ привезъ въ Петербургъ на службу и ввѣрилъ Лабзину. Лабзинъ помѣстилъ его въ ученый (sic) департаментъ адмиралтействъ-коллегій, гдѣ самъ онъ былъ членомъ. Артемьевъ былъ сынъ богатаго человѣка и потому нѣсколько избалованъ.

* Далѣе зачеркнуто: «и я сдѣлавшись (?), обратилъ (Лабзинъ?) свое вниманіе и на меня»... Ред.

Характеръ его былъ строптивъ, тяжелъ, гордъ и беспокоенъ; это затрудняло его пріятелей, и я одинъ оставался съ нимъ довольно короткимъ. Лабзинъ любилъ его за дарованія, но весьма затруднялся насчетъ его характера. Вскорѣ я сталъ замѣчать, что Лабзинъ и на Артемьева имѣлъ такіе же виды, какъ на меня, вѣроятно принимая въ соображеніе его богатство; оно давало ему преимущество, понимая всѣ недостатки его. Это не могло сокрыться и внутренно оскорбило меня; я видѣлъ, что его хотѣли — по состоянію, меня — по характеру; видѣлъ даже, что и меня не хотятъ совсѣмъ потерять, думая, ежели Артемьевъ, по своей вѣтренности, измѣнится въ желаніи, то опять принятъ за меня; я былъ какъ бы на подставку.

Артемьевъ не былъ равнодушенъ къ питомицѣ Лабзина. Наблюдая довольно строго за ея характеромъ, скорѣ я началъ замѣчать въ ней не тотъ кроткій нравъ, который я предполагалъ. Я замѣтилъ, что она заразилась нѣкоторою избалованностью и гордостью. Наконецъ даже я сталъ замѣчать, что и она неравнодушна къ Артемьеву, по крайней мѣрѣ къ его состоянію. Я видѣлъ посему, что она не можетъ составить моего счастья и я сталъ холоднѣе. Но равно не обнаружилъ я ни настоящихъ, ни прежнихъ чувствъ никому.

Въ это время приѣхали въ Петербургъ въ концѣ 1809 года мать и сестры Артемьева.

ХІІІ.

Однимъ вечеромъ, когда я пришелъ давать свой обычный урокъ воспитанницѣ Лабзина, я встрѣтилъ въ горницѣ двухъ незнакомыхъ дѣвушекъ. Это были сестры Артемьева. Я ихъ не видалъ прежде ни разу. Взглядъ, брошенный мною на одну изъ нихъ, встрѣтился съ ея взглядомъ, и такъ сильно, такъ невыразимо подѣйствовалъ на меня, что я опустилъ свои глаза и мы не смѣли другъ на друга взглянуть. Вскорѣ я съ ними познакомился близко и замѣчалъ, что та, которая такъ сильно подѣйствовала на меня, какъ бы была менѣе любима въ своей семьѣ. Это еще болѣе сдѣлало меня къ ней неравнодушнымъ. Казалось, что и въ ней была симпатія ко мнѣ. Желая имѣть ея портретъ, я предложилъ нарисовать портреты всѣхъ ихъ и такимъ образомъ я срисовалъ мать и обѣ сестры и оставилъ у себя копіи

съ ихъ очерка. Меньшая сестра, при прощаніи со мною, когда я сказалъ, что «вотъ у насъ въ Петербургѣ остаются памятники ваши», отрѣзала локонь своихъ волосъ, и тайно подавая его мнѣ, сказала: «вотъ и вамъ особый памятникъ».

Зимой поѣхали онѣ. Я и одинъ товарищъ мой поѣхали ихъ провожать верстъ за семь. Она сидѣла въ другой повозкѣ и горячія слезы и поцѣлуй и сильное внутреннее движеніе доказали всю любовь ея ко мнѣ. Она не могла удержать себя, сколько ни старалась. Тутъ мы поняли другъ друга вполне, хотя уже и прежде знали о нашихъ чувствахъ и назывались братьями и сестрами, къ чему подали поводъ сами мать и отецъ, назвавъ меня сыномъ.

XIV.

Въ началѣ 1806 года видѣлъ я особенно замѣчательный сонъ. Сны происходятъ или отъ пищи—грубые, другіе—отъ того, чѣмъ занята была душа, болѣе высшіе, какъ бы повтореніе дѣйствительнаго. Но наконецъ третьи сны, происходящіе отъ духовнаго міра, независимые отъ насъ и сообщающіе намъ какъ бы откровеніемъ будущее;—это языкъ добраго и злаго генія древнихъ, предупрежденіе, знакъ, указаніе *). Я видѣлъ себя въ какомъ-то огромномъ зданіи или храмѣ и какъ бы въ подземельи; оно какъ будто строилось и я находился въ числѣ участвовавшихъ въ строеніи. Въ срединѣ его находился высокій обелискъ; на уступахъ его стоялъ я на колѣняхъ и со слезами пѣлъ гимны, и такъ громко, что на другой день товарищи спрашивали: чтó я видѣлъ во снѣ? Потомъ представилось мнѣ, что я женатъ и живу на какой-то горѣ, среди обильной и роскошной природы, среди фонтановъ. Потомъ я видѣлъ часто посѣщающаго меня какого-то монаха; но каждое его появленіе наводило на меня ужасъ и отвращеніе, такъ что я его принималъ за злаго духа.

Дальнѣйшій рассказъ моей жизни объяснить кое-что изъ сего сна. Я сначала самъ не понималъ его; но послѣ, когда такъ рѣзко началъ онъ сбываться, — вспомнилъ его.

Лѣтомъ 1810 года Артемьевъ собирался въ отпускъ въ деревню къ отцу. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ академикъ Черновъ,²⁰⁾ человѣкъ примѣрной жизни, для того чтобъ пріятно провести

*) Съ боку рукописи отмѣчено А. И. Герценомъ: «Сонъ Ломоносова».

вакаціонное время. Черновъ былъ такъ близокъ ко мнѣ, что я ему одному вѣрилъ тайну моей любви, его просилъ о доставленіи Елизаветѣ Артемьевой секретнаго письма и просилъ привезти рѣшительный отвѣтъ. Въ немъ я былъ совершенно увѣренъ, такова была строгость его и чистота нравовъ.

Въ самый день отъѣзда собрались у Лабзина въ саду²¹⁾. Я пришелъ по обыкновенію нѣсколько позже, Лабзинъ уже спрашивалъ обо мнѣ. Черновъ сказалъ, что я занятъ письмомъ къ Артемьевымъ. Когда я явился, Лабзинъ, упрекая, что я всегда опаздываю, спросилъ: кончилъ ли я письмо?

Сказавъ ему что кончилъ, я весьма былъ смущенъ, откуда онъ знаетъ, что я писалъ; но наконецъ Черновъ объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ Лабзинъ узналъ.

Они уѣхали.

Между тѣмъ я обвинялъ себя въ скрытности отъ Лабзина и рѣшился открыть ему, считая себя обязаннымъ быть съ нимъ откровеннымъ. Узнавши объ этомъ, Лабзинъ чрезвычайно разгорячился. Старался доказывать, что мой поступокъ не обдуманъ, что мое исканіе у людей гордыхъ смѣшно, что я не имѣю ни богатства, ни чиновъ, въ то время какъ они отказывали даже людямъ очень богатымъ и извѣстнымъ; что, сверхъ того, мнѣ надлежитъ путешествовать и что я этой страстью приношу на жертву мой талантъ; что это сумасшедшая идея и пр. Дѣйствительно, Лабзинъ вынулъ письмо отъ старика Артемьева, въ которомъ онъ его спрашивалъ объ одномъ генералѣ, сватающемся за его дочь, и которому онъ отказалъ. Старикъ этотъ былъ избалованный Екатерининскій бригадиръ. Лабзинъ, не зная моего происхожденія, думалъ, что я не дворянинъ и находилъ въ этомъ новое препятствіе, не зная, что я происхожу отъ шведской старинной дворянской фамиліи.

Я не могъ не замѣтить, что болѣе всего раздражало Лабзина, что симъ виды его на воспитанницу должны были измѣниться. Я увѣрилъ Лабзина, что въ этомъ дѣлѣ я не дозволю себѣ ни одного шага, руководствуясь одною страстью, и что хотѣлъ только знать ея мнѣнія, предоставляя времени остальное, ибо ежели есть судьба, то ничто не въ силѣ перемѣнить ее, а натягивать насильно я не считаю себя въ правѣ; не говоря уже о томъ, что я отклонилъ всякое подозрѣніе, что тутъ участвуютъ какіе-либо

расчеты, я обѣщался ему доказать строгость мою. Врядъ повѣрилъ ли Лабзинъ этому.

Такимъ образомъ я старался успокоить его; но Лабзинъ до того былъ раздраженъ, что нѣсколько дней былъ нездоровъ; но мы съ нимъ остались по прежнему друзьями.

По возвращеніи Чернова съ Артемьевымъ, онъ объявилъ мнѣ объ отвѣтѣ Елизаветы. Она сказала, что я самъ вижу препятствія, но что всё зависитъ отъ родителей.

Переписка съ семействомъ Артемьева продолжалась до 1812 года, но прекратилась во время войны. Ихъ помѣстье на Смоленской дорогѣ было занято непріателемъ и они бѣжали въ Нижній. Вскорѣ по полученіи чина коллежскаго ассессора, Артемьевъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ къ отцу въ деревню. Въ это время онъ открылся Лабзину въ любви къ его воспитанницѣ и просилъ ея руки. За нѣсколько дней до отъѣзда онъ сказалъ мнѣ объ этомъ. Лабзинъ былъ очень радъ и тотчасъ за будущаго зятя рекомендовалъ ей (мнѣ?) его. Притомъ Лабзинъ передалъ ему по секрету мои виды на его сестру. Артемьевъ началъ съ нѣкоторою укоризною мнѣ говорить, зачѣмъ я ему не открылъ своей тайны и неужели ждалъ съ его стороны препятствій, вслѣдствіе какихъ-либо расчетовъ? Я ему сказалъ, что съ моей стороны было-бы неблагоразумно говорить о дѣлѣ, котораго исполненіе еще такъ далеко, и что обстоятельства заставили меня сказать Лабзину. Онъ предлагалъ мнѣ свои услуги; на что я ему возразилъ, что единственная услуга, которую онъ можетъ сдѣлать, есть безусловное молчаніе, чтобы онъ даже сестрѣ не говорилъ.

«Но почему?»

— Такова строгость моихъ правилъ.

Несмотря на то, что онъ зналъ о моей любви къ его сестрѣ, онъ требовалъ съ меня честнаго слова, чтобы я не воспользовался его отсутствіемъ для исканій у его Софіи. Разумѣется, мнѣ легко было его увѣрить въ этомъ. Каково же было удивленіе Лабзина, когда съ первою почтою получилъ отъ Артемьева письмо, въ которомъ онъ нетоимо отказывается отъ руки Софіи, но даже отъ знакомства и переписки съ Лабзинымъ. Столь страненъ былъ характеръ этого человѣка! Вѣроятно въ этомъ участвовала не его воля, но требованія родителей.

Лабзинъ, несмотря на свою раздражительность, даже не обидѣлся и оставилъ это съ холоднымъ презрѣніемъ.

Между тѣмъ мое положеніе сдѣлалось затруднительно. Лабзинъ опять обратилъ виды на меня. Явными шутками *) поставляя меня въ странное положеніе, то называя меня Абелардомъ, то заставляя даже краснѣть. Такъ какъ шутки эти стали повторяться очень часто, то я началъ искать случая удалиться отъ Лабзина. И я съ жадностью схватилъ случай ѣхать въ Кронштадтъ на нѣкоторое время, о чемъ было уже сказано.

Между тѣмъ возгорѣлась война 1812 г., прервавшая на долго обыкновенный порядокъ жизни, сношенія, виды. Это остановило нашу переписку; все было смутно; я не зналъ даже, гдѣ Артемьевы находились.

Въ 1813 году явился случай ѣхать въ Москву. О цѣли самой поѣздки было сказано **), но разумѣется къ этому присоединилась и надежда узнать, гдѣ Артемьевы или увидѣть ихъ. Лабзинъ далъ мнѣ порученіе къ графу Ростопчину, и поелику я не могъ скоро его исполнить, онъ мимо меня, въ письмѣ къ Руничу, осыпалъ меня упреками. Съ этого, вѣжется, началось у насъ съ нимъ разъединеніе, еще таившееся до того,—отъ времени, въ которое онъ узналъ о моей любви. Я ему написалъ преогромное письмо; меня огорчало, что Лабзинъ не понимаетъ меня; его намеки на кривые пути, относившіеся къ Артемьевымъ, оскорбили меня. Я высказалъ все, что лежало на душѣ, дабы не было недоразумѣнія между нами и тѣмъ самымъ хотѣлъ пристыдить его. Окончивъ письмо, мнѣ показалось, что я оправдываюсь какъ виноватый, и изорвавъ письмо, я написалъ другое, короткое, сильное, и заключилъ тѣмъ, что я второй день не ѣмъ и не пью оскорбленный его письмомъ къ Руничу.

Вслѣдствіе сего письма Лабзинъ написалъ мнѣ письмо съ холодною свѣтскою вѣжливостью, извиняясь передо мною. Такимъ же холоднымъ письмомъ отвѣчалъ я ему, извѣстивъ въ то же время объ окончаніи его порученія. Симъ прекратилась наша переписка.

*) Зачеркнуто: «вызывая меня».

***) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г. т. V, стр. 21.

Ред.

Ред.

XV.

Я часто бывалъ у графа Ростопчина; у него встрѣчалъ весьма занимательныхъ людей и собственно онъ интересовалъ меня весьма, и какъ гениальный человѣкъ, и какъ человѣкъ, бравшій такое важное участіе въ послѣднихъ обстоятельствахъ. Истинный патріотизмъ и благородство души виднѣлись въ каждомъ поступкѣ сего вельможи, ничего низкаго не могло затемнить его сильной души.

Знакомство мое съ нимъ началось съ картонна Марен Посадницы (какъ уже сказано). Картонъ этотъ былъ увезенъ непріятелемъ. Графъ часто говорилъ о сожалѣніи своемъ, что потерялъ его. Мнѣ хотѣлось замѣнить эту потерю другой картиной, и я сдѣлалъ эскизъ картины императоръ Александръ, разрушая Рейнскій союзъ, освобождаетъ Европу.

Я занимался этимъ, какъ вдругъ графъ присылаетъ за мною и съ радостью объявляетъ мнѣ, что въ какой-то деревнѣ по Смоленской дорогѣ найденъ большой свертокъ и что онъ увѣренъ, что это Марен Посадница.

Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней привезли мой картонъ; но онъ былъ попорченъ и я занялся реставрированіемъ онаго. Картонъ сей и доселѣ долженъ храниться въ семействѣ графа.

Говоря о знакомствѣ съ графомъ, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ встрѣчахъ, бывшихъ у него въ домѣ. Тамъ познакомился съ Лодеромъ, Тончи²²⁾ и др.

Тамъ я слышалъ отъ самого знаменитаго анатома, какъ онъ въ Германіи, несмотря на большую опасность, кралъ голову одного мертвеца, у котораго онъ еще при жизни замѣтилъ особенность какую-то въ черепѣ. И все это онъ рассказывалъ съ своимъ обычнымъ многословіемъ, такъ подробно, что изъ нѣсколькихъ слушателей остались только трое: я, графъ и еще кто-то.

Тончи былъ очень любимъ графомъ, артистъ весьма образованный. Мы съ нимъ вскорѣ познакомились черезъ картину мою. Тончи имѣлъ прекрасный даръ слова и часто пространно излагалъ свои философскія мысли, въ которыхъ онъ всегда былъ своимъ манеромъ послѣдователемъ Фихте. Однажды, увлекаясь сво-

ими доказательствами, онъ, указывая на столъ, сказалъ: «что вы думаете, что это столъ? Нѣтъ, это только идея стола».

Это заставило многихъ улыбнуться и я тихо шепнулъ графу, что есть прекрасное средство убѣдить Тончи въ противномъ, ударить его палкой и спросить: «что это, идея палки, или палка въ самомъ дѣлѣ?»

Графу это очень понравилось и онъ тотчасъ передалъ это Тончи, который, разумѣется, какъ образованный человѣкъ, не думалъ сердиться за это, но смѣялся съ прочими.

Вспомнилъ еще одинъ анекдотъ сего времени. Однажды обѣдали за городомъ въ Петровскомъ. Послѣ обѣда въ саду всѣ играли въ кольцо, никто не могъ попасть. Графъ лежалъ на травѣ, долго смотрѣлъ и наконецъ всталъ какъ бы съ негодованіемъ и сказалъ: «Какъ не попасть?»

Взялъ кольцо, бросилъ и попалъ.

Надобно было видѣть въ это время лицо графа. Тутъ видѣнъ былъ весь характеръ его, даже краска выступила на щекахъ. Бросивши кольцо, онъ спокойно, съ самодовольной улыбкой пошелъ на прежнее мѣсто свое.

Весьма жаль, что этотъ отличный вельможа вскорѣ впалъ въ мрачную ипохондрію, которая происходила между прочимъ и отъ предполагаемой мести отца несчастнаго Верещагина *). Онъ рѣшился удалиться изъ родины и просилъ императора возвратить ему чинъ дѣйствительнаго камергера, пожалованный ему императоромъ Павломъ I. Еще страннѣе и неомытнѣе поступокъ его, что онъ, живя въ Парижѣ, отрекся (написавъ историческую брошюру) отъ пожара Москвы—онъ, Ростопчинъ!

Между тѣмъ начались мои занятія проектами, о которыхъ было сказано въ своемъ мѣстѣ. Но мысль объ Артемьевыхъ не оставляла меня; я ждалъ отъ нихъ писемъ, а ихъ не было; я ждалъ, что они по своему обыкновенію пріѣдутъ на зиму въ Москву, но они не пріѣхали. Прошло полтора года безъ всякаго слуха и я сталъ уже это принимать за указаніе, что на это нѣтъ назначенія. Слѣдуя непрерывно своимъ правиламъ, я рѣшился по окончаніи работы ѣхать въ Петербургъ, не дѣлая никакихъ уси-

*) Верещагинъ, молодой человѣкъ, выдавннй Ростопчиннымъ народу и имъ растерзанный, предъ вступленіемъ Наполеона въ Москву. Ред.

дѣй, ибо уже по опыту сталъ убѣждаться, что чистыя намѣренія мои всегда удавались сами собою.

Не имѣя никакого руководителя, предоставленный собственному труду, естественно я искалъ слышать сужденія о моихъ идеяхъ людей высокихъ своею душею. Перелистывая Витрувія и книги (?), я не нашелъ полнаго отвѣта въ нихъ, да и сверхъ того я могъ ими увлекаться, могъ сбиться или не понимать. Такимъ образомъ я съ жадностью искалъ случая говорить съ людьми мыслящими. Многихъ вельможъ узналъ я черезъ графа Ростопчина, но отъ нихъ я получалъ одну бесплодную похвалу, часто даже ни на чемъ неоснованную. Августинъ сдѣлалъ уже болѣе, убѣдивъ меня, что въ моихъ мысляхъ нѣтъ ничего противнаго религіозной мысли греко-россійской церкви. Но я искалъ все еще бѣльшаго авторитета и глубочайшей вѣры. Къ этому времени относится весьма важная встрѣча. Однажды М. Я. Мудровъ, черезъ котораго я познакомился и съ Августиномъ, сказалъ, что онъ ѣдетъ въ деревню къ Николаю Ивановичу Новикову, и не хочу ли я ѣхать съ нимъ? Я съ восторгомъ принялъ это предложеніе; отъ этого человѣка я ждалъ многое.

XVI.

Новиковъ, положившій основаніе новой эрѣ цивилизаціи Россіи, начавшій истинный ходъ литературы, дѣятель неутомимый, мужъ гениальный, передавшій *) свѣтъ Европы и разлившій его глубоко въ грудь Россіи: Чего не долженъ былъ я ждать отъ взгляда великаго человѣка на храмъ, воздвигаемый Россіею, который всю жизнь воздвигалъ въ ней храмъ иной, колоссальный и великій!

Новиковъ, жертва сильнаго стремленія къ благу родины, жилъ отшельникомъ въ небольшой деревнѣ, единственномъ достояніи его, въ 60 верстахъ отъ Москвы, съ однимъ изъ оставшихся друзей его и сотрудниковъ, съ Гамалеєю. Меня пугала, правда, мысль, поселенная во мнѣ Лабзинымъ къ этимъ людямъ. Онъ ихъ представлялъ стариками строгими и неутомимыми, особенно Гамалею. Хотя я и видѣлъ въ этомъ отчасти гордость Лабзина, но все-таки боялся ихъ грозной строгости, я — молодой человѣкъ.

*) Въмсто зачеркнутого: «раскрившій».

Мы поѣхали.

По Бронницкой дорогѣ, версть за 50 отъ Москвы, сталъ виднѣться шпигъ церкви села Тихвинскаго *). Небольшая деревенька и бѣдная. Вскорѣ открылись и ветхій господскій домъ, обнаруживавшій недостатокъ, запущенный садъ, и все окружающее показывало нужду и отшельничество. Мы взошли. Я нашель Новикова старымъ, блѣднымъ, болѣзненнымъ, но взоръ его еще горѣлъ и показывалъ, что еще можетъ воспламеняться и любить. Большой открытый лобъ и видъ серьезный и длинные волосы сзади, но во время разговора его мина принимала видъ чрезвычайно пріятный. Онъ встрѣтилъ меня съ душевнымъ расположеніемъ.

Вскорѣ взошелъ С. Н. Гамалея, тотъ строгій человѣкъ, о которомъ Лабзинъ говорилъ, что онъ неприступенъ при первомъ взглядѣ. Я вспомнилъ сужденіе Александра Ѳедоровича (Лабзина), и какъ же удивился, когда нашель въ немъ (Гамалеѣ) человѣка, исполненнаго любви и привѣта. Правда, онъ былъ молчаливъ, говорилъ мало, рѣзко. Новиковъ, напротивъ, былъ одаренъ превосходнымъ даромъ краснорѣчія. Рѣчь его была увлекательна **), даже самыя уста его придавали какую-то сладость словамъ.

Я сказалъ Новикову о цѣли моего пріѣзда. Онъ желалъ видѣть проектъ, говорилъ, что очень радъ, что я вздумалъ навѣстить стараго страдальца и отшельника, что уже много о немъ (т.-е. о проектѣ) слышалъ, и я, развернувъ проектъ, началъ мое объясненіе, стараясь какъ можно строже изложить оное. Я могъ замѣтить, что Гамалея меня слушалъ холоднѣе Новикова; но Новиковъ слушалъ какъ любитель изящнаго.

Когда я просилъ сужденія ихъ:

— «Всего лучше, м. г., сказалъ Гамалея, что вы расположили храмъ свой въ тройственномъ видѣ; ежели удастся выработать вамъ, то это будетъ хорошо».

Новиковъ хвалилъ мою идею, но говорилъ, что можно отбросить нѣкоторыя частности, чтобъ чище оставалась главная идея.

«Очень радъ, что вы посвятили свой талантъ на предметъ столь достойный, и предвижу успѣхъ вашъ».

*) Зачеркнуто: «названнаго имъ».

**) Зачеркнуто: «сладка».

— «Это-то мнѣ и было лестно слышать изъ устъ. вашихъ, потому болѣе, что часто я слышалъ сужденіе Лабзина, который требовалъ отреченія отъ всего наружнаго, какъ будто хорошо дѣлаетъ тотъ человѣкъ, который не развиваетъ талантъ, данный самимъ Богомъ, и зарываетъ его въ землю. Я прежде занимался съ успѣхомъ историческою живописью; хотя и это есть орудіе для прославленія Бога, но мнѣ казалось это недостаточнымъ и когда вышелъ манифестъ 25 декабря 1812 года, тутъ-то я увидѣлъ настоящее призваніе и предался сему предмету. Хотя и тутъ я видѣлъ, что буду заниматься однимъ наружнымъ. «Какой храмъ воздвигните вы Мнѣ, не Я ли все сотворилъ?» Но мнѣ казалось справедливымъ, что ежели люди себѣ приписываютъ славу и блескъ, себѣ воздвигаютъ дворцы и памятники, еще болѣе придать блеска дому *) Божію и ежели уже нуженъ наружный храмъ, то чтобы онъ былъ не холодный камень **), а живой, проникнутый идеею, которая не ограничивается одною вязностью формы, но въ которой внутренній смыслъ, глубоко врѣзанный въ каждую форму.

— «Весьма несправедливо думаютъ, будто наружныя дарованія, науки и художества препятствуютъ человѣку внутренно возвышаться къ Богу. Когда Богъ одарилъ кого талантомъ, онъ обязанъ быть вѣрнымъ своему призванію, и вообще поэзія и искусства, эти сестры, отнюдь не мѣшаютъ, но способствуютъ къ внутреннему развитію. Слушая свое призваніе, какъ бы покоряемся мы велѣнію Бога; исполняя оное наилучшимъ образомъ, освящая цѣлью высокой, слѣдуя чистому одушевленію ***), мы служимъ лучшимъ образомъ для прославленія Бога. Пусть пути разны — цѣль одна; пусть всякій исполняетъ свое, и совокупность сихъ трудовъ и усилій не воздвигнетъ ли настоящій храмъ Богу изъ цѣлаго міра! И для того-то познаніе самаго себя есть важнѣйшее познаніе; оно намъ покажетъ, съ чистымъ ли побужденіемъ избираетъ душа занятіе или нѣтъ. И въ этомъ случаѣ мы нуждаемся опытомъ другихъ, и другъ, испытавшій многое, можетъ во многомъ предостеречь, отстранить горькія

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «храму».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «не гряда камней».

Ред.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: «въ этомъ-то и состоитъ лучшее Богопочтеніе».

Ред.

испытанія; ибо не многое ли можетъ сообщить отживающій юному, едва идущему по началу жизни».

Такимъ образомъ Новиковъ еще болѣе одушевился къ моему предмету.

Гамалея, какъ строгій стойкъ, умершій для всего наружнаго, не могъ разсуждать такъ, какъ Новиковъ, полный идей живыхъ и пламенныхъ, замѣтилъ: «что, конечно, это хорошо; но ежели вашъ проектъ будетъ избранъ, не опасаетесь-ли вы тогда увлечься такъ вашими наружными занятіями, и исполняя по совѣсти, какъ вѣрный сынъ отечества, сложныя и трудныя должности, что вы принесете имъ на жертву высшее *), нежели чего онѣ достойны».

Старики, казалось, полюбили меня. Я провелъ у нихъ нѣсколько дней и послѣ раза два прѣзжалъ къ нимъ. Каждый разъ бесѣдовали мы долго; мнѣ было очень любопытно знать жизнь Новикова. Многое разсказывалъ онъ. Мнѣ уже отчасти было извѣстно, что Новиковъ 7 лѣтъ провелъ въ Шлиссельбургской крѣпости и освобожденъ при воцареніи императора Павла, но не зналъ причинъ сему. Новиковъ, сколько могъ, удовлетворилъ меня.

Когда онъ старался Русь познакомить съ лучшими европейскими произведеніями, тогда стеклись на его сильный призывный голосъ множество друзей, именемъ общей пользы и любви просвѣщенія, чтобы совокупно работать въ пользу образованія. Тогда завелъ онъ огромную типографію, вскорѣ превзошедшую всѣ заведенныя правительствомъ, и книжныя лавки, пропагандируя просвѣщеніе; издавали журналъ «Живописецъ», первый (?) литературный журналъ въ Россіи. На все это, равно на образованіе множества молодыхъ людей и путешествія ихъ по Европѣ, друзья его и онъ самъ отдавали свое достояніе, и результаты были блестящіе. Государыня лично знала его по службѣ, по талантамъ; но онъ въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ службу для своихъ высокихъ занятій. Занятія его и его друзей, чтобы имѣть силу и быть обезпечену (отъ) всякихъ нападеній, были дѣлаемы подъ покровительствомъ цесаревича Павла. Успѣхъ его типографіи возбудилъ зависть и вниманіе; начали говорить объ опа-

*) Въмѣсто зачеркнутого: «большее».

сеніяхъ на счетъ столь огромной типографіи въ рукахъ *) частнаго человѣка. Этотъ взглядъ подкрѣпили какими-то подозрѣніями насчетъ избранія Павла Петровича протекторомъ. Новиковъ, сколь ни былъ далекъ отъ всякихъ политическихъ замысловъ, вдругъ былъ схваченъ и послѣ нѣкоторыхъ допросовъ, посаженъ въ крѣпость. Семь лѣтъ провелъ онъ тамъ. При воцареніи Павла его освободили; но семь лѣтъ тюрьмы и другія причины оставили его болѣзненнымъ и онъ удалился въ свою разстроенную деревеньку Авдотьино, названную имъ Тихвинскимъ, по мѣстечку близъ Шлиссельбурга, гдѣ жилъ онъ въ величайшемъ уединеніи.

Въ то время, когда я познакомился съ ними, я засталъ ихъ обоихъ все еще занятыми. Гамалея переводилъ съ нѣмецкаго и латинскаго языка книги герметическія (?) и религіозныя.

Взглядъ Новикова на сіи предметы былъ чистъ, свѣтелъ и обширенъ. Взглядъ Гамалея рѣзокъ и положителенъ.

Новиковъ показывалъ мнѣ свою небольшую библіотеку, гдѣ было много книгъ (до 50), переплетенныхъ собственною рукою Новикова. При этомъ онъ замѣтилъ:

«Вотъ сколько труда; но съ искреннею скорбью вижу, что некому завѣщать все это, некому передать мысли, для продолженія начатаго».

Впослѣдствіи времени я раза два-три посѣщалъ ихъ; въ одно изъ посѣщеній я просилъ его дозволить снять его портретъ. Новиковъ позволилъ; но Гамалею я не могъ уговорить.

Дальнѣйшія подробности опустимъ мы; кто знаетъ Новикова, тотъ знаетъ, что онъ былъ за человѣкъ; кто же не знаетъ — тотъ не можетъ и искать здѣсь полнаго свѣдѣнія объ этомъ великомъ человѣкѣ. Прибавлю только, что у насъ былъ неоднократно разговоръ о снахъ и (я) пересказывалъ имъ о трехъ снахъ, видѣнныхъ мною.

Въ первой молодости моей, ведя жизнь всегда строгую, я не могъ не быть обуреваемъ страстями и тѣмъ болѣе, что онѣ имѣли мало отверстій. Часто бывалъ я въ домѣ у одного знакомаго военнаго офицера. Онъ былъ женатъ и жена, прекрасная собою, кокетка. Я видѣлъ, что она ко мнѣ равнодушна

*) Зачеркнуто: «одного».

и самъ былъ очень занятъ ею; я всегда считалъ большою гнусностью обольщать чужую жену, какъ преступленіе, которое не можетъ ничѣмъ выкупиться. Ибо лишающій невинности дѣвушку имѣетъ средство возстановить свое преступленіе; но тутъ семейное разстройство и ужаснѣйшія несчастія идутъ объ руку съ преступленіемъ. Потому я употреблялъ всѣ средства, чтобъ уничтожить эту страсть. Наконецъ настала война 1807 г. (sic) съ Швеціею и мужъ ея отправился въ армію. Я по прежнему продолжалъ посѣщать ее иногда, и мало по малу страсть возгаралась болѣе и наконецъ назначенъ былъ день для тайнаго свиданія. На ночь передъ тѣмъ я видѣлъ слѣдующій сонъ:

Идя по академическому корридору, высланному кирпичами, въ щели между ими вижу я червя, какъ бы раздавленнаго ногою. Я остановился и глядѣлъ на него съ нѣкоторымъ чувствомъ состраданія и замѣтилъ, что въ немъ есть еще жизнь; я съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на него и червякъ оживлялся, началъ двигаться, подыматься, выростать до того, что уже изъ червя началъ образовываться драконъ, какъ мы его представляемъ въ міеологіи, и въ этомъ видѣ онъ ежится на меня. Я, испугавшись, закричалъ; съ тѣмъ вмѣстѣ выбѣжали нѣсколько женщинъ; казалось, драконъ былъ ихъ; онѣ взяли его—и я проснулся.

Я понялъ, что этотъ сонъ былъ предостереженіемъ, и я отложилъ свое намѣреніе и рѣшительно отвергнувъ страсть свою. На другой день, бывши у Лабзина, гдѣ былъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ М. Я. Мудровъ, я рассказалъ свой сонъ.

Каково же было мое удивленіе, когда, выслушавъ это, Мудровъ досталъ изъ кармана маленькую книжку *) нѣмецкихъ стиховъ, гдѣ прискалъ мнѣ мѣсто, въ которомъ поэтъ представляетъ возрастающій порокъ, сначала привѣтливимъ, потомъ съ чертами ужасными, точно такъ, буквально, какъ я видѣлъ во снѣ. Это еще болѣе подкрѣпило мое объясненіе сна.

И я навсегда было-оставилъ знакомство съ нею;—но кончилась война, мужъ не возвращался, и вскорѣ пришло извѣстіе, что мужъ ея убитъ. Тогда почти погаснувшая страсть опять затлѣлась, тогда казался мнѣ поступокъ не столь дурнымъ, и я,

*) Зачеркнуто: «писанную».

забывъ свои нравственныя правила, отправился къ ней; но и тутъ Провидѣніе спасло меня отъ преступленія. Я засталъ ее спящую и въ такомъ непристойномъ видѣ, что съ отвращеніемъ ушелъ, никѣмъ незамѣченный, и съ тѣхъ поръ рѣшительно отказался отъ своего намѣренія *).

Второй сонъ былъ слѣдующій:

На нѣкоторомъ возвышеніи я видѣлъ крестъ; къ нему пригивали на веревкахъ лежащую мраморную, бѣлаго цвѣта фигуру. По мѣрѣ того какъ стали ее ставить, статуя оживлялась и наконецъ, когда поставили, она, совсѣмъ живая, сѣла, ноги были сложены и руки лежали на колѣняхъ, голова поникнувши. Чрезвычайное смиреніе выражалось на лицѣ и **) это былъ — самъ Спаситель. Я находилъ нѣкоторое сходство во лбу съ Юпитеромъ Олимпійскимъ; прочія части лица были такъ изящны, что не могу имъ присказать сходства. Глаза обращены были внизъ; но вмѣсто обыкновеннаго цвѣта волосъ, съ коими изображаютъ Спасителя, они были бѣлые. На вопросъ мой, что значать сіи волосы, кто-то отвѣчалъ мнѣ: «тысячелѣтнее пребываніе его на землѣ». Потомъ, какъ бы слушаясь какого-то велѣнія, онъ всталъ и сталъ къ кресту въ такомъ видѣ: крестъ имѣлъ внизу продольную скважину, такъ что ставъ позади креста, онъ въ нее поставилъ ноги, а руки, опустивъ черезъ крестъ, который оканчивался поперечникомъ, въ молитвенномъ положеніи. Голова, какъ и прежде, была наклонена внизъ, съ тѣмъ же величественнымъ смиреніемъ.

Смыслъ этого сна былъ ясенъ для меня. Первое — высокой степени смиреніе; потомъ, что шествіе должно быть подъ крестомъ; дѣйствующая сила должна покоиться на крестѣ; тѣло — должно быть за крестомъ и самая голова преклонена къ кресту. Каменная статуя, оживляющаяся постепенно, — сколь ясно ни согласовалась съ идеею моего храма, которая образовалась гораздо послѣ сего сна; но не приходила мнѣ въ голову прежде Вятки***). Сонъ этотъ весь ясенъ, кромѣ словъ о тысячелѣтнемъ пребываніи.

Третій. Наконецъ этотъ сонъ, который я теперь намѣренъ

*) Далѣе зачеркнуто: «само собою разумѣется что...»

**) Далѣе зачеркнуто: «я узналъ въ...»

***) То-есть прежде ссылки Витверга въ Вятку.

Ред.

Ред.

Ред.

разсказать, нельзя даже совсѣмъ отнести ко сну: въ одинъ зимній вечеръ я стоялъ противъ печи и грѣлся, и предаваясь размышленію, перешелъ какъ-бы въ нѣкоторое усиленіе. Вдругъ вижу посреди комнаты дѣвочку, примѣрно лѣтъ 12-ти. Я подбѣгаю къ ней съ нѣкоторымъ изумленіемъ и спрашиваю: кто ты такова?

«Я дочь Правды» былъ отвѣтъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, уходя въ уголъ, загроможденный разными вещами, исчезла*).

Изъ сказанныхъ словъ Новикова я видѣлъ, что ему нравятся сны; онъ поздравлялъ меня съ ними и говорилъ, что такіе сны не случайно намъ даются.

Чтобъ прибавить еще что-либо о Гамалеѣ, этомъ страшномъ своею строгостью человѣкѣ, достаточно разсказать слѣдующее:

Первый мужъ жены Лабзина, Карамышевъ, былъ человѣкъ безъ вѣры, сомнѣвался въ безсмертіи души; онъ былъ человѣкъ ученый, но принадлежалъ еще къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ. Ему совѣтовали объ этомъ предметѣ поговорить съ Гамалеєю. Карамышевъ, гордый своею ученостью, отвергалъ сначала, но наконецъ согласился познакомиться. И вотъ собственныя его слова, слышанныя мною отъ его супруги:

— «Въ Гамалеѣ нашелъ я маленькаго старичишку, невиднаго, котораго можно щелчкомъ перешибить. Безъ дальнихъ обинявовъ сказываю ему причину моего посѣщенія, т.-е., что я рѣшительно сомнѣваюсь въ безсмертіи души, и сказавъ ему нѣсколько комплиментовъ, замѣтилъ, что отъ него надѣюсь получить объясненіе.

«Узнавши, что я горный чиновникъ, Гамалея замѣтилъ, что я долженъ знать нѣкоторыя науки и спрашивалъ, посредствомъ которой я желалъ бы убѣдиться въ безсмертіи души?

«Я съ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха и чтобъ одурачить его, для смѣха избралъ ботанику и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобъ скрыть свой смѣхъ, вынимаю часы и гляжу на нихъ. Старикъ началъ говорить. Презрѣніе мое замѣняется вниманіемъ, наконецъ переходитъ въ уваженіе и съ тѣмъ вмѣстѣ я ему сказалъ: «довольно». Не прошло еще пяти минутъ и онъ уже убѣдился

*) Разсказъ объ этомъ видѣніи извѣстенъ былъ впоследствии всѣмъ членамъ семьи Витберга и, какъ семейное преданіе, помѣщенъ нами выше («Рус. Стар.» изд. 1872 г., т. V, стр. 18).

меня вполне, несмотря на все предрассудки, съ которыми я пришел».

Новиковъ мнѣ предсказывалъ успѣхъ и просилъ, чтобы я ему сообщилъ, какъ проектъ мой будетъ принятъ государемъ, что и исполнилъ.

XVII.

Проектъ мой былъ оконченъ. Я сталъ думать объ отъѣздѣ въ Петербургъ. Здѣсь опять надлежитъ возвратиться къ домашней жизни.

Незадолго до поѣздки моей къ Новикову, проѣзжалъ черезъ Москву, одинъ пріятель мой по Лабзину служившій въ Академіи, Скворцовъ²³⁾, который ѣхалъ къ своимъ роднымъ въ Нижегородской губерніи. Пріятно мнѣ было встрѣтиться съ нимъ, поговорить о Петербургѣ, о моей неприятности съ Лабзинымъ.

Этотъ разговоръ завлекъ далеко и я сказалъ, что «вѣроятно Лабзинъ думаетъ (что онъ и подтвердилъ), что я живу здѣсь для Артемьевыхъ; но я скажу вамъ, что я не только не видался съ ними, но даже и не писалъ къ нимъ и не имѣлъ никакихъ сношеній, слѣдственно твердо выдержалъ свое обѣщаніе».

Скворцовъ удивился, думая, что я перемѣнилъ свое мнѣніе относительно Артемьевой.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ я, но ежели-бъ это было предназначено, то не должно ли бы уже быть какому-либо указанію, они были бы въ Москвѣ».

— И легко случится можетъ послѣ этого, что вы уѣдете въ Петербургъ не сдѣлавъ ничего?

— «Легко можетъ быть, и тогда я докажу Ал. Фед., какъ онъ ошибался во мнѣ».

Это показалось ему слишкомъ строго и онъ жалѣлъ, что обстоятельства не согласуются съ моимъ желаніемъ.

По возвращеніи моемъ отъ Новикова, срокъ отпуска Скворцова прошелъ, но онъ еще не приѣзжалъ. Я полагалъ, какъ ему нужно было быть 1-го сентября²⁴⁾ въ Петербургъ, то что онъ проѣхалъ минуя Москву, и я былъ увѣренъ, что онъ въ Петербургъ, какъ вдругъ, уже въ концѣ сентября, вижу его во снѣ, въ очень горячемъ, сердечномъ разговорѣ со мною.

Цѣлый день занимался я этимъ сномъ, ибо я видѣлъ въ этомъ духовное сношеніе душъ. Я обѣдалъ у Мудрова и вечеромъ,

возвращаясь по бульвару, встрѣтился со мною кто-то. Издали мнѣ казалось, что это Скворцовъ; но когда онъ подошелъ, я самъ долженъ былъ улыбнуться увлеченію воображенія. Подходя къ почтамту, я вижу въ моей горницѣ огонь. Это удивило меня, ибо слугѣ въ это время было нечего дѣлать, и тотчасъ явилась мысль: не тутъ ли Скворцовъ? И каково же было удивленіе, когда мой человѣкъ встрѣтилъ меня словами, «что Муромскій гость приѣхалъ». Я пересказалъ Скворцову свой сонъ и что я цѣлый день думалъ объ немъ.

На другой день онъ долженъ былъ ѣхать и передъ отъѣздомъ пошелъ въ городъ для покупокъ. Часа черезъ два онъ возвращается ко мнѣ съ Артемьевымъ. Я остолбенѣлъ отъ изумленія. Артемьевъ только что день тому назадъ приѣхалъ и въ рядахъ встрѣтился съ Скворцовымъ. Прощаясь, Скворцовъ спросилъ меня: «ну, можетъ ли этотъ случай быть принятъ за указаніе, или и этого мало?»

— Напротивъ, указаніе весьма ясное*).

Пожелавъ успѣха, онъ уѣхалъ, радуясь, что послужилъ орудіемъ къ исполненію моего намѣренія.

Артемьевъ ночевалъ у меня; разговору о его сестрѣ не было, ибо не зная, въ какомъ расположеніи она теперь, я не начиналъ разговора. Онъ уѣхалъ, обѣщавшись мнѣ по приѣздѣ писать и взялъ съ меня слово, что я буду отвѣчать.

Съ первой почтой написалъ онъ мнѣ, что всѣ домашніе бранили его, что онъ не привезъ стараго друга съ собою; итакъ, чтобъ поправить это, приглашалъ меня удѣлить нѣсколько дней для посѣщенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ взять съ собою проектъ плана, которымъ очень интересуются его домашніе. Вопросъ этотъ былъ согласенъ съ моимъ образомъ мыслей, и я принялъ это приглашеніе.

Чтобъ не показался мой образъ дѣйствованія нѣсколько холоднымъ, я долженъ сверхъ моего убѣжденія еще напомнить о нашемъ взаимномъ положеніи. Родственники ея были люди гордые, богатые, а я молодой человѣкъ безъ имени и состоянія. Хотя я увѣренъ былъ въ любви Елизаветы, но съ тѣхъ поръ трехлѣтняя**) разлука могла многое измѣнить, и насколько была

*) Въсто зачеркнутого: «сильное».

**) Въсто зачеркнутого: «двух-лѣтняя».

она свободна отъ предрассудковъ семейства? Мои исканія можно было истолковать въ дурную сторону и я долженъ былъ молчать, даже и тогда, когда увидѣлся съ ея братомъ, человѣкомъ, коего переиначивый нравъ мы уже знаемъ.

Вскорѣ поѣхалъ я туда, вполне увѣренный, что эта поѣздка должна была окончить это дѣло. Я приѣхалъ вечеромъ поздно. Чувства сильно волновались при вступленіи въ домъ, гдѣ должна была рѣшиться моя судьба, гдѣ жила та, которую я такъ давно любилъ и желалъ видѣть. Селеніе Величево ²⁶⁾ и домъ, все носило слѣды непріятельскаго разоренія; они жили въ бесѣдѣ, къ коей пристроено было нѣсколько избъ. Приемъ былъ самый дружескій. Я скорѣ замѣтилъ, что я не ошибся въ чувствахъ Елизаветы. На другой день всѣ вмѣстѣ отправились къ старику, который жилъ въ 10 верстахъ въ с. Александринѣ, котораго я нашель, согласно съ предположеніемъ, человѣкомъ гордымъ, но весьма дѣльнымъ, и (онъ) такъ обласкалъ меня съ перваго приема, что мы съ нимъ сблизились тотчасъ и я увидѣлъ, что именно отъ него-то всего менѣе можно ждать затрудненія.

Недѣли двѣ пробылъ я тамъ. Черезъ нѣсколько дней открылась у меня съ Елизаветою переписка. Время шло весьма пріятно, въ которое время я сдѣлалъ чертежъ для построенія каменной церкви. Изслѣдовавъ образъ мыслей матери, я наконецъ рѣшился за день до отъѣзда. Дня за два до отъѣзда, поздно вечеромъ продолжался у насъ разговоръ съ братомъ и онъ наконецъ сказалъ:

«Вѣдь ты когда-то любилъ сестру Елизавету?»

— Да.

«Ну, а теперь?»

— И теперь тоже.

Тутъ съ нѣкоторою досадою и недоумѣніемъ сказалъ онъ почему я не дѣйствую?

— Ты напрасно предупредилъ меня, я завтра хотѣлъ начать дѣйствовать.

И онъ убѣдилъ меня, что въ этомъ опасности нѣтъ.

На другой день я сдѣлалъ предложеніе матери. Безъ дальнихъ затрудненій она сказала, что всегда меня любила, что очень рада, но что все зависитъ отъ мужа, за котораго она отвѣчать не можетъ.

— Я только теперь прошу вашего согласія.

«Мое вы имѣете».

Позвали дочь; она, зная о чемъ рѣчь, явилась смущенная и разумѣется краснѣя и едва говоря, сказала, что ежели отецъ и мать желаютъ, то она согласна.

Мать сказала, что по мнѣнію ея не слѣдуетъ говорить мужу, но что она берется уладить это.

Я видѣлъ, что цѣль этого была въ томъ, что она изъ гордости хотѣла играть дѣйствующее лицо.

Такимъ образомъ мы разстались.

По прошествіи двухъ или трехъ недѣль я получилъ отъ матери письмо, что теперь могу адресоваться къ отцу, и я съ первою почтою написалъ ему письмо, на которое онъ мнѣ вскорѣ отвѣчалъ, что извѣститъ меня, увидѣвшись съ женою, которая уѣхала въ Вязьму. Такимъ образомъ, этотъ отвѣтъ былъ удовлетворителенъ. Послѣ звалъ онъ меня другимъ письмомъ для личнаго объясненія къ себѣ, что и было немедленно исполнено.

Онъ говорилъ о разстройствѣ состоянія, о разореніи. Разумѣется, я просилъ его прервать эту матерію.

Тамъ были мы помолвлены. Я думалъ, что мѣсяцевъ черезъ шесть могу возвратиться изъ Петербурга.

Тутъ я уже былъ открытымъ женихомъ, ѣздилъ къ роднымъ и пр. Но вмѣсто 6 мѣсяцевъ, какъ уже видѣли, прошло около года. Это было тяжкое время для меня. Непріятности Академіи, бездна дѣла и наконецъ письма отъ невѣсты и родныхъ ея, которые не совсѣмъ понимали причины и сердились на долгое молчаніе *), иногда въ письмахъ ихъ замѣшивались колкости.

Тутъ случилось еще слѣдующее:

Шуринъ написалъ мнѣ, по своему характеру, очень колкое письмо; оно было адресовано не въ квартиру ко мнѣ, а въ Кабинетъ его величества. Письмо это не дошло до меня и уже послѣ свадьбы спрашивали меня, почему на это письмо я не отвѣчалъ? На отвѣтъ, что я такого письма не получалъ, теща думала, что я это выдумалъ, не хотѣлъ признаться въ полученіи его. Это заставило меня спросить, какого же содержанія было это письмо? И узнавъ, что главный смыслъ его былъ въ томъ,

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «отсутствіе».

что если мои обстоятельства пережънились, то что, можетъ быть, я пережънилъ свои чувства къ прежней невѣстѣ и лицу теперь богаче и лучше невѣсту. Я могъ понять, какимъ образомъ изложилъ это шуринъ. вмѣстѣ съ нимъ писали о томъ же и другіе.

«Странно, сказалъ я, какъ Провидѣніе берегаетъ насъ; доселѣ я не имѣлъ понятія объ этомъ письмѣ, а еслибъ получилъ его, то навѣрное не былъ бы я здѣсь; оно слишкомъ оскорбило бы меня и слишкомъ явно показало бы, какъ мало меня понимаютъ; я отъ раздраженія исполнилъ бы вашу мысль и мы бы не были соединены. Но Провидѣніе сохранило насъ».

Казалось, что теща все еще оставалась въ недоумѣніи, но послѣ *) убѣдилась. Случайно заѣхавъ въ Петербургъ къ П. А. Курбатову, онъ мнѣ сказалъ, что у него давно завалылось письмо ко мнѣ, адресованное въ Кабинетъ его величества и которое, при отъѣздѣ моемъ, отдано было ему; онъ досталъ его изъ бюро и отдалъ мнѣ. Уходя я забылъ его на столѣ, и письмо опять ускользнуло отъ меня; когда же, возвратясь къ нему, я спросилъ о письмѣ, оно не нашлось. Слѣдственно Провидѣнію рѣшительно неугодно было, чтобъ это письмо было въ моихъ рукахъ.

Видѣли уже выше, когда я отправился изъ Москвы въ деревню для бракосочетанія, которое было въ с. Царево-Займище (историческое мѣсто, гдѣ Кутузовъ принялъ начальство надъ войсками) и мы вѣнчались въ деревянной церкви, построенной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,—20 іюля 1816 года.

Моимъ бракомъ заключается эпизодъ изъ частной жизни, который былъ такъ необходимъ для объясненія прочихъ поступковъ и дѣйствій.

Впослѣдствіи мы воротимся, гораздо позже, опять къ домашнему крову, но теперь прибавлю одно. Первая картина, показавшая мой талантъ, былъ Св. Петръ. Въ Петровъ день выѣхалъ я изъ Петербурга. Наконецъ картина Св. Петра помирила меня съ Академіею. Вслѣдствіе этого я назначилъ имя первому сыну: Петръ, располагая имена дѣтямъ, т.-е. Петръ, Іоаннъ и Яковъ, и тоже выражающія имена для дочерей: Вѣра, Любовь, Надежда, не зная какое имя дать седьмому сыну. И что же? Отъ первой жены моей у меня родилось именно 6 человекъ дѣтей, три сына и три дочери....

*) вмѣсто зачеркнутаго: «вскорѣ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О цѣпныхъ мостахъ. 1809 г.

Въ 1809 году, прогуливаясь однажды по Англійской набережной, переходя мостъ, на Крюковомъ каналѣ находящійся, я остановился и сначала осуждалъ перестроивавшихъ этотъ мостъ. Мостъ этотъ былъ составленъ изъ двухъ подъемныхъ частей и обѣ половины поднимались обыкновеннымъ способомъ, цѣпами, прикрѣпленными къ столбу. Подъемныя части приходили въ ветхость и потому ихъ надлежало сдѣлать вновь. А какъ по Крюкову каналу суда никогда не ходили, то сдѣлали помостъ цѣпный; такимъ образомъ, цѣпи остались безъ надобности и изъ нихъ сдѣлали всячій фестонъ, весьма некрасивый.

Но разсматривая этотъ фестонъ, мнѣ пришло въ голову, что опустя отъ этихъ цѣпей вертикальныя цѣпи, къ нимъ можно повѣсить помостъ. Новая идея, нисколько несоотвѣтствующая цѣпному мосту, построенному въ Америкѣ сапожникомъ. Впрочемъ, и таковое устройство ихъ было мнѣ совершенно неизвѣстно. Я немедленно сталъ чертить такіе мосты, и мнѣ казалось, что эта идея весьма полезно можетъ быть употреблена для моста черезъ Неву. А какъ Нева у сената имѣетъ ширины 115 саж., то еслибъ съ обѣихъ сторонъ на 7 саж. вдвинуться въ рѣку, а по самой серединѣ рѣки поставить родъ высокой арки, въ видѣ воротъ, таковой высоты, чтобъ суда могли проходить, притомъ шириною 10 саж.; черезъ эту арку должна была перетянуться цѣпь, составляющая двѣ дуги въ 40 саж. отъ каждаго берега до арки, тѣмъ сила раздвоилась и было средство проходить судамъ. Въ средней части арки находился подъемный мостъ, того же горизонта, но особый. Съ тѣмъ вмѣстѣ арка предохранялась отъ поврежденія льдомъ колесомъ, весьма простаго устройства, котораго центръ былъ выше льда и которое напоромъ его приводимое въ движеніе разбивало ледъ. Важное затрудненіе представляло укрѣпленіе арки въ срединѣ Невы. Идея утопленія судовъ, нагруженныхъ камнями, какъ-то на Эльбѣ и другихъ рѣкахъ, здѣсь казалась недостаточнымъ на Невѣ при ея глубинѣ (7 саж.) и быстротѣ. Первая идея состояла въ томъ, чтобъ посреди рѣки, гдѣ быть воротамъ, сдѣлать огромную насыпь, въ видѣ острова,

изъ твердаго матеріала: кирпича, цемента, глины. Эту насыпь довести до такой степени, чтобъ она вышла на поверхность воды и нѣсколько выше ея, и тогда начать въ ней выкапывать мѣсто до дна и получить пустоту, гдѣ надлежитъ класть *) фундаментъ и выведенія каменной массы. Разумѣется, всѣ мѣры должны быть взяты, чтобы вода не проникала туда.

Вторая идея состояла въ томъ, чтобъ по величинѣ **) этой плоскости сдѣлать срубы, въ родѣ рамъ, изъ простыхъ бревень, въ видѣ плота, обвужающаго все пространство, въ коемъ производить работу. Эта рама должна быть связана рядомъ заостренныхъ свай, вертикально опущенныхъ въ воду. Надъ этимъ плотомъ долженъ былъ обкладываться другой рядъ брусевъ, связанный съ первыми желѣзомъ, и потомъ проконопаченъ и засмоленъ. Такимъ же порядкомъ надлежало произвести третій рядъ, четвертый, и такъ далѣе, поскольку нижніе стали бы тонуть и наконецъ нижній слой, съ сваями, сталъ бы входить во дно рѣки.

Такимъ образомъ получится довольно крѣпкій оплотъ и вода изъ него могла быть выкачена. Ежели бы вода не стала уменьшаться, то это свидѣтельствовало бы, что масса нижняя не совсемъ твердо прилегла и что есть отверстія; тогда надлежало бы класть глину и мѣшки съ пескомъ ***); ежели бы цѣль была достигнута и вода выкачена, тогда внутри, подлѣ самой стѣны, въ сдѣланную насыпь вбить рядъ или два шпунтовыхъ свай. Послѣ чего удобно было всю насыпь вынуть и даже углубиться въ рѣку дна для фундамента. Разумѣется, при самой работѣ надлежало судами, поставленными на якоряхъ, и отъ нихъ протянутыми плотами предохранять отъ силы стремленія воды. Идея сія тѣмъ болѣе меня занимала, что въ Петербургѣ нѣтъ постоянного моста и модели, находящіяся въ Кунсткамерѣ, неудобно исполнимы: какъ (напр.) сводъ соотечественника нашего Кулибина, состоящій изъ деревянной арки, механически связанный изъ дерева чрезъ всю арку, неудобный какъ по самому матеріалу, такъ и потому, что дуга ея должна была быть очень

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «строить».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «по мѣрѣ».

Ред.

***) На полѣ противъ этого помѣта: «Владиміръ. Ноября 16 д. 1838. А. Герцель».

Ред.

велика и проста, ибо надлежало подъ оной проходить судамъ. Другой, составленный французскимъ инженеромъ Пейроне, состоитъ изъ ряда каменныхъ арокъ; тутъ встрѣчаются слѣдующія неудобства: въ устройствѣ фундамента столь огромнаго, который бы пересѣкалъ всю рѣку, почти невозможенъ; второе неудобство представлялось для прохода льда, который, тѣсясь въ узкія арки, долженъ былъ составить груды съ сильнымъ напоромъ (и потому) могъ бы вредить мосту или идти черезъ него. Такимъ образомъ, мнѣ казались эти проекты неудобноисполнимыми; вѣроятно потому и не было приступлено къ построению ихъ съ царствованія императрицы Екатерины, когда были сдѣланы эти модели. А (затѣмъ) кому же неизвѣстно неудобство плашкотнога моста.

Обдумывая планъ цѣпнаго моста, (мнѣ) встрѣтились большія препятствія: я не зналъ, какую тяжесть могла подымать цѣпь въ серединѣ, и даже можетъ ли она выдержать свою собственную тяжесть. Этого нельзя намъ вычислить безъ опытовъ. Опасаясь отереть мою идею кому-либо, я не могъ ни съ кѣмъ посоветоваться и ввѣрилъ мысль свою одному Лабзину, который на сей конецъ познакомилъ меня съ статскимъ совѣтникомъ Антономъ Пошманомъ, занимавшимся физикою и механикою, но и онъ подтвердилъ что, кромѣ опыта, никакое вычисленіе не можетъ дать результатовъ, прямо могущихъ приложиться къ практикѣ. Опыты же по сему должны были быть сопряжены съ значительными тратами. Такимъ образомъ трудъ мой остановился.

Въ 1814 году въ Москвѣ случилось весьма странное обстоятельство относительно этой идеи. При разговорѣ съ англійскимъ банкиромъ Ровандомъ, говоря о неудобствахъ попытокъ моста черезъ Неву, я высказалъ ему, что меня занимаетъ теперь нѣкоторая идея насчетъ этого моста, и долженъ былъ, удовлетворяя его любопытству, сказать, что мостъ цѣпной. Тогда обратился онъ къ приѣзжему англичанину Лаудону, сказавъ: «здесь объясняется ваша идея для петербургскаго моста»;... я *) сказалъ, что это идея моя и (что я) никому (ее не) сообщалъ; и въ обоюдному удивленію отерлось, что у меня и у Лаудона родилась та же мысль безъ малѣйшаго сношенія или заимствованія. Идея

*) Зачеркнуто: «очень удивился».

Лаудона столь была сходна съ моею, что не только въ общемъ, но даже въ частностяхъ было сходство. Напр., и у него была арка въ серединѣ. Чтобы убѣдить англичанина, что эта мысль давно у меня существуетъ на бумагѣ, просилъ его немедленно зайти ко мнѣ и удостовѣриться. Что далѣе я остановился только на изслѣдованіи силы цѣпи—то же недоумѣніе и его останавливало. Я предложилъ ему, что ежели онъ разрѣшитъ эту задачу въ Англій и дѣло приметъ тамъ ходъ, чтобы онъ публиковалъ, что идея эта уже существовала въ такомъ-то году въ Россіи независимо отъ его. Съ своей стороны то же обязывался и я сдѣлать, ежелибъ прежде моя идея пошла въ ходъ. Занятія мои по проекту храма отвлекли меня совершенно отъ мостовъ, и я только упомянулъ о немъ въ отчетѣ, поданномъ Академіи въ 1815 г.

Впослѣдствіи и уже въ 1821 году узналъ я, въ величайшему удивленію, что въ Англій, при устьѣ Манай, построена такой мостъ. Собирая свѣдѣнія *) о немъ, я уже узналъ изъ одной брошюры, что англійскій архитекторъ Тель-Фортъ первый предложилъ правительству построение такого моста, но какъ правительство не хотѣло жертвовать капиталъ на невѣрный успѣхъ, то тотчасъ сыскалась компанія, которая сдѣлала всѣ возможные опыты, которые доставили всѣ нужные результаты, послѣ чего правительство рѣшилось на построение моста. Впрочемъ, о Лаудонѣ ни слова не упоминалось. Досадно, что не нашему отечеству принадлежитъ честь этихъ мостовъ.

Въ 1823 году я рассказывалъ (объ этомъ) императору, который весьма жалѣлъ, что я тогда не публиковалъ своей мысли.

Англичане по своимъ результатамъ рѣшаются вѣшать мосты на одной цѣпи; но этого я никогда не осмѣлился, предполагая двѣ и даже три, которыя могли бы предохранить его отъ обрыва. Исполнилъ-ли Лаудонъ обѣщаніе свое? Не знаю. Теперь въ живыхъ остаются только два свидѣтеля: англичанинъ Ровандъ и сынъ А. Пошмана, нынѣ (1836 г.) директоръ института законовѣдѣнія С. Пошманъ.

Вотъ доказательство, что въ нашемъ отечествѣ являются часто идеи гениальныя; но не имѣя поддержки отъ правительства, ни отъ общества, должны или гибнуть прежде рожденія, или затеряться во тьмѣ подъяческихъ формъ и происковъ.

*) Въмѣсто зачеркнутого: «Любя пытливо».

II.

Въ 1819 году узналъ я объ одномъ старикѣ Прассовѣ, который посвятилъ себя практической архитектурѣ, занимался ею весьма успѣшно и имѣлъ большія практическія свѣдѣнія не только собственно по архитектурной, но и по инженерной и гидравлической части. Такой человекъ, въ качествѣ каменнаго мастера, былъ намъ чрезвычайно полезенъ; но, по несчастію, Прассановъ принадлежалъ генераль-маіору Римскому-Корсакову. Лѣтъ 20 употреблялъ Прассановъ всѣ старанія, чтобъ выйти на волю; но господинъ его оставался нечувствителенъ ни въ его просьбѣ, ни въ просьбѣ многихъ знатныхъ особъ, принимавшихъ усерднѣйшее участіе въ человекѣ, одаренномъ прекрасными талантами, которые не могли развиваться, не могли имъ быть приспособлены вполне отъ несчастнаго состоянія, въ которомъ онъ родился. Видя сильное желаніе его и увѣренный въ пользѣ приобрѣтенія такого человека, я просилъ князя Александра Николаевича (Голицына), чтобъ онъ довелъ это обстоятельство до свѣдѣнія его императорскаго величества и что не угодно ли будетъ государю изъявить Корсакову желаніе освободить Прассанова? Такъ и случилось. Но Корсаковъ остался твердъ и даже голосъ государя не могъ его подвигнуть сдѣлать доброе дѣло. Онъ рѣшительно отказался отъ отпуска на волю Прассанова, не изъ видовъ корысти, а изъ гордости, что это человекъ съ талантами—его собственность. Вотъ характеристическая черта русской аристократіи того времени.

ПРИМѢЧАНІЯ П. Н. ПЕТРОВА.

¹⁾ Жилиарди, Антонъ Рафаиловичъ, архитекторъ (род. 1768 г. сынъ академическаго привратника Герарди (незаконнорожденный отъ Катерины Роберманъ).

²⁾ Бовэ или Бова, (Josephus Johannes Baptista Carolus Bova). Иосифъ Ивановичъ, сынъ живописца, поселившася въ Россію, знаменитый архитекторъ, служившій въ Москвѣ съ 1801 г. (род. 1784 г. ^{24 окт.} въ Петербургѣ, ум. въ Москвѣ 21 іюля 1834 г., перейдя тамъ въ православіе и жениась на княгинѣ Авдотѣ Семеновнѣ Трубецкой, рожд. Гурьевой. Бовэ строилъ въ Москвѣ, послѣ нашествія французовъ: Никольскую башню, зданіе губернскихъ присутственныхъ

мѣсть, передѣлывалъ Гостинный дворъ, разводилъ Кремлевскій садъ; строилъ сгорѣвшій Петровскій театръ и при Николаѣ I — Триумфальныя ворота передъ тверскимъ вѣздомъ въ городъ.

3) Мартосъ, Иванъ Петровичъ, воспитанникъ Академіи Художествъ, потомъ пенсіонеръ ея, профессоръ и 3-й ректоръ скульптуры, род. 1753 г., ум. 1835 г. Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника получилъ онъ первый изъ членовъ Академіи, гдѣ имѣлъ вліятельную партію кліентовъ и поддерживателей въ высшемъ словѣ общества.

4) Мельниковъ женился на младшей дочери Мартоса отъ первой жены, Любови Ивановнѣ (род. 12 іюля 1800 г.) — 21 января 1817 года.

5) Витбергъ въ одномъ тутъ ошибается. Конкурсъ о храмѣ Спасителя былъ напечатанъ и заявленъ даже за границую. Проекты были собраны, но не въ большомъ числѣ, и представлены государю, въ то время, когда князь Голицынъ доложилъ ему о композиціи Витберга. Затѣмъ конкурсъ не отиѣнялся, проекты Академія получала и представляла его величеству. Мельниковъ дѣлалъ проектъ по назначенію начальства, строго требовавшаго отъ всѣхъ профессоровъ композицій на храмъ Спасителя. Сообразоваться съ требованіями, когда они наконецъ выяснились, со стороны композиторовъ этихъ проектовъ, очень естественное дѣло. И если въ этомъ одномъ сходствѣ идеи — трехъ храмовъ, одного надъ другимъ — сходился Мельниковъ съ Витбергомъ, первому творцу не должно бы это показаться настолько непривлекательнымъ, еслибъ разсуждалъ онъ не предаваясь горячности. Вся сила въ формѣ, а идея каждымъ композиторомъ можетъ по-своему варіироваться. Что-жъ за бѣда. Аракчеевъ дѣйствительно принималъ участіе въ храмѣ Спасителя — сборомъ проектовъ.

6) Григоровичъ, Василій Ивановичъ, издатель „Журнала изящныхъ искусствъ“, а потомъ съ 1829 по 1859 г. конференцъ-секретарь императорской Академіи Художествъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, женатъ былъ на Софьѣ Ивановнѣ Мартосъ, дочери ректора скульптуры.

7) „Журналъ изящныхъ искусствъ“ издавалъ Василій Ивановичъ Григоровичъ въ 1823—25 гг. Всего вышло 9 книжекъ. Изданіе это выполнялось при пособіи отъ правительства.

8) Чѣмъ оскорбиться могъ авторъ проекта, при такомъ только сходствѣ, какъ онъ говоритъ?

9) Егоровъ, Алексѣй Егоровичъ, профессоръ живописи императорской Академіи Художествъ (1776—1851 г.), женился 4 іюня 1815 г. на Вѣрѣ Ивановнѣ Мартосъ, третьей дочери ректора.

10) Деревня дворцоваго вѣдомства — Татарова, съ ломкою, лежитъ

въ Московскомъ уѣздѣ, на р. Москвѣ, отъ города въ 10 верст. на Звенигородскомъ почтовомъ тракѣ.

¹¹⁾ Деревни Григорова и Ладыгино, казенныя, на верховьяхъ р. Москвы, на западъ отъ столицы. Первая въ 35 верстахъ отъ гор. Верен, въ Верейскомъ уѣздѣ (2 стана), по лѣвую сторону тракта изъ Гжатска въ Москву. Вторая—Русскаго уѣзда (2 стана), отъ гор. Рузы въ 26 верстахъ.

¹²⁾ Герлахъ, Георгъ-Карлъ, родомъ изъ Штральзунда, живописецъ, вступилъ во второй бракъ съ Христиною-Альбертиною Витбергъ, старшею сестрою А. Л. Витберга, 3-го декабря 1803 г. Онъ былъ реставраторъ картинъ, знакомый знати. У него крестили князь Гагаринъ, княгиня Юсупова, графиня Воронцова, сенаторъ Ржевскій—все особы съ вѣсомъ и почетомъ въ обществѣ.

¹³⁾ Михайловъ, академикъ 1805—1806 г., по всей вѣроятности, архитекторъ, Андрей Алексѣевичъ, потомъ профессоръ и ректоръ архитектуры.

¹⁴⁾ Гордѣевъ, Федоръ Гордѣевичъ, предшественникъ Мартоса, второй ректоръ въ императорской Академіи Художествъ и пенсіонеръ ея за границу; художникъ въ свое время съ замѣчательнымъ талантомъ, ум. въ 1810 г. на 69 году жизни.

¹⁵⁾ Ивановъ, Дмитрій Ивановичъ, (род. около 1780 г.) тоже бывшій пенсіонеръ. Не получивъ 1-й золотой медали за картину „Марса Посадница“ (находящуюся въ эрмитажѣ). Ивановъ оставилъ Академію и уѣхалъ изъ Петербурга.

¹⁶⁾ Это было 13-го сентября 1822 г., за три дня до акта (16-го сентября), когда князь Кочубей, графы Гурьевъ и Аракчеевъ приняты на вакансіи, почетными любителями академіи.

¹⁷⁾ Графъ Ростопчинъ, узналъ А. Ф. Лабзина еще при Павлѣ, когда сдѣлался главнымъ директоромъ почтоваго департамента (31-го мая 1800 г.), въ которомъ служилъ до Академіи издатель „Сіонскаго Вѣстника“.

¹⁸⁾ Анна Евдокимовна, по первому мужу Карамышева. Свадьба ихъ была въ 1795 году.

¹⁹⁾ Мудрова, Софья Алексѣевна, дочь младшаго брата извѣстнаго доктора-профессора московскаго университета, Матвѣя Яковлевича Мудрова—коллежскаго регистратора Алексѣя Яковлевича, умершаго въ 1790-хъ годахъ, когда старшій братъ былъ еще за границею.

²⁰⁾ Черновъ, Иванъ Потаповичъ, академикъ исторической живописи; оставилъ двѣ оригинальныя картины въ коллекціи императорской Академіи Художествъ, („Блудный сынъ“ 1795 г. и „Самсонъ съ львиною челюстью“ 1800 г.) умеръ въ 1817 г., 49 лѣтъ отъ роду.

21) Лабзинъ занималъ еще въ Академіи домикъ Кокорина на 3-й линіи; при домѣ былъ дѣйствительно садикъ, на мѣстѣ нынѣшняго флигеля съ колоннадою.

22) Гончи, Сальваторъ, знаменитый портретистъ, воспитанникъ римской академіи св. Луки, въ 1790-хъ годахъ прибывшій въ Россію; при Александрѣ I переселившійся въ Москву и служившій при Кремлевскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ.

23) Скворцовъ, Кузьма Петровичъ, былъ протоколистомъ академической конторы и при Лабзинѣ былъ частнымъ секретаремъ, оттого и попалъ въ члены попечительнаго о бѣдныхъ комитета.

24) Въ академіи былъ обыкновенно актъ 1-го сентября и Скворцову нужно было изготовлять къ акту журналъ общаго годоваго собранія.

25) Село Величево находится во 2-мъ станѣ Вяземскаго уѣзда, близь границъ Гжатскаго, въ 37 верстахъ отъ г. Вязьмы и въ 4-хъ верстахъ отъ села Царева-Займища; послѣднее на Московскомъ трактѣ, а Величево по правую сторону его (на пути изъ Вязьмы къ Гжатску).

На стр. 521 „Рус. Стар.“ (изд. 1872 г. т. V) упоминаемый академикомъ Витбергомъ — графъ Куртъ Штедингъ, шведскій фельдмаршалъ (род. 15 окт. 1746, ум. ^{26 дек. 1836 г.}_{7 авг. 1837 г.}), другъ короля Густава III, былъ посломъ въ Петербургъ съ 1790 года по царствованіе Николая I. По смерти заслуженнаго дипломата-фельдмаршала, зять его Бьернштерна издалъ, на французскомъ языкѣ, его депеши со временъ войны за независимость Сѣверной Америки по 1827 г. — чуть ни за полстолѣтія, подъ заглавіемъ: „Memoires posthumes de feld-marechal comte de Steding“, въ 3-хъ томахъ, въ 8 д. Въ нихъ много интереснаго есть и о Россіи.

На стран. 25-й „Русск. Стар.“ изд. 1872 г. (т. V), Витбергъ говоритъ ошибочно, что трудъ росписыванія собора въ Кронштадтѣ, отъ котораго онъ отказался живя въ Москвѣ, — исполненъ К. Брюловымъ. Подрядъ на одинъ иконостасъ взять былъ отцомъ К. Бр., академикомъ П. И. Брюловымъ; слѣдовательно росписывать церковь взялись другія лица; да въ ту пору К. Брюлову изъ Академіи, гдѣ онъ состоялъ еще воспитанникомъ, и нельзя было отлучаться.

Отъ редакціи. Отдѣльными замѣтками о цѣпныхъ мостахъ и о самоучкѣ-инженерѣ оканчиваются мемуары Витберга, записанные съ его словъ, едва-ли даже ни подъ его диктовку — Александромъ Ивановичемъ Герценомъ (Искандеръ) въ бытность ихъ обоихъ въ ссылкѣ,

въ Вяткѣ. На верку первой страници, рукою Герцена помѣчено: „15 іюля, 1836 г. Вятка“; на одной изъ послѣднихъ страницъ помѣта, въ родѣ росчерка или простой пробы пера: „Владиміръ. Ноября 16 д. 1838 г. А. Герценъ“. На поляхъ попадаются силуэты женскихъ головокъ, шифры „N“, „Natalia“, — имя той, которая составляла въ ту эпоху предметъ думъ ссыльнаго: то была невѣста Герцена. Всѣ помарки показываютъ, что настоящая рукопись черновая*). Въ этомъ еще болѣе подтверждаютъ недописки, недомолвки и крайняя необработанность слога. Послѣднее вмѣстѣ со множествомъ вставокъ, весьма безпорядочно навиданныхъ то на поляхъ, то въ разныхъ мѣстахъ текста, свидѣтельствуютъ о томъ, что рассказъ неоднократно былъ читанъ Витбергу и онъ диктовалъ или рассказывалъ новыя дополнительные подробности. Читатели безъ сомнѣнія замѣтили, что мы съ особымъ тщаніемъ передали текстъ записокъ, со всѣми въ немъ помарками и поправками его составителей; все что мы позволили себѣ это раздѣленіе рассказа, для удобства чтенія, на главы....

Очень вѣроятно, что Герценъ готовился обработать эти записки къ печати: расположеніе частей, хорошо вставленные эпизоды, умѣнье поддержать интересъ рассказа — все это показываетъ, что Герценъ въ этомъ случаѣ былъ не простымъ стенографомъ Витберга, а безъ сомнѣнія направлялъ даже его рассказъ, сообразно плану задуманнаго ими обоими труда. Было-ли его продолженіе? Очень можетъ быть, что ни тотъ ни другой не продолжали записокъ, тѣмъ болѣе что далѣе идетъ горькая полоса въ жизни Витберга; подробности изъ нея могли казаться обоимъ друзьямъ недоступными не только для печати, — но и для того, чтобы хранить ихъ въ рукописи, и вотъ трудъ оборванъ....

Выше мы сказали, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Россіи за границу („Русс. Стар.“ изд. 1872 г., т. V, стр. 17), Герценъ оставилъ нынѣ напечатанный нами манускриптъ другу своего дѣтства, Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ. Нынѣ Т. П. сообщила намъ, что это не совсемъ точно: рукопись, вмѣстѣ съ другими немногими бумагами и довольно изрядною бібліотекою, была оставлена Герценомъ у его брата, Егора Ивановича Герцена, въ Москвѣ. Въ 1859 году А. И. Герценъ писалъ изъ за границы къ своему брату, чтобы тотъ передалъ какъ бумаги, такъ и книги въ ея собственность. Это и было исполнено; но уцѣлѣло уже до того весьма не много. Безъ сомнѣнія Герценъ пожалѣлъ, что рукопись была не при немъ, когда, дѣтъ де-

*) Помѣты состоятъ изъ математическихъ выкладокъ, извлеченій кубическихъ корней, географическаго плана части средней Россіи — чертежъ руки Герцена и проч.

сять спустя послѣ отъѣзда изъ Россіи, ему пришлось по памяти набросать нѣсколько страничекъ о товарищѣ его ссылки, Витбергѣ *). Къ счастью для исторіи и къ чести Е. И. Герцена и Т. П. Пасека, рукопись сохранена.

Представивъ записки Витберга, мы въ дополненіе къ нимъ приведемъ въ послѣдующихъ книгахъ „Русской Старины“ нѣсколько документовъ: таковы подлинная переписка съ Витбергомъ его патроновъ и друзей, и довольно большой мемуаръ, въ которомъ для кого-то изъ официальныхъ лицъ Витбергъ излагаетъ исторію своей гибели: слѣдствіе, судъ и ссылку въ Вятку...

Рисунокъ храма Христа Спасителя по проекту Витберга, приложенный къ настоящей книгѣ, доставилъ намъ художникъ И. А. Ибердусовъ; кромѣ того другой рисунокъ, въ весьма блѣдномъ фотографическомъ снимкѣ, сообщенъ П. Н. Петровымъ изъ бумагъ О. А. Витберга. По этимъ двумъ рисункамъ исполнена гравюра академика Л. А. Сѣрякова. До сихъ поръ „Храмъ Спасителя“ Витберга былъ изображенъ только одинъ разъ, именно въ весьма плохенькомъ полиптижѣ, помѣщенномъ въ „Живописномъ Обзорѣнн“, изд. Августа Семена (Москва, 1838 г., ч. IV, стр. 177); тамъ же помѣщено на одной страничкѣ очень неудовлетворительное его описаніе.

Для исторіи русскаго зодчества положительно необходимо розыскать подробные планы и рисунки этого великаго памятника отечественнаго искусства и издать ихъ сколь возможно тщательно; надъ ними, какъ извѣстно, Витбергъ трудился не годъ, не десятки лѣтъ, а всю свою жизнь, совершенствуя проектъ все болѣе и болѣе; было бы особенно важно издать нѣсколько редакцій его труда.... Это дѣло обществу русскихъ архитекторовъ. Къ сожалѣнію, почти все, что хранилось въ портфеляхъ великаго художника, погибло въ пожарѣ, случившемся незадолго до смерти Витберга.

Ред.

*) См. «Тюрьма и ссылка». Изд. второе. Лондонъ, гл. II, стр. 139—156. Въ Москвѣ же были оставлены Герценомъ письма къ нему его невѣсты въ Вятку, о чемъ онъ съ большимъ сожалѣніемъ вспоминаетъ въ «Тюрьмѣ и ссылкѣ».

Ред.